

ИСТОЧНИКИ

DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.009

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС МИГЪДÆУ В МАТЕРИАЛАХ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Е.Г. ПЧЕЛИНОЙ 1938 г.

А.В. Дарчиев

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-59-07003

Предлагаемая публикация содержит материалы археолого-этнографической экспедиции Евгении Георгиевны Пчелиной 1938 г., относящиеся к изучению культового комплекса Мигъдæу, расположенного в Урсдонском ущелье Северной Осетии. Материалы никогда ранее не публиковались, поэтому их введение в научный оборот представляет актуальную научную задачу. Определив ныне существующие здания главных святилищ комплекса Мигъдæуы дзуар и Мигъдæуы Мады Майрæмы дзуар как небольшие христианские храмы, Пчелина впервые предприняла здесь археологические раскопки, надеясь обнаружить следы древних дохристианских святилищ. Из-за противодействия местных жителей раскопки пришлось прекратить, не достигнув поставленных целей. Обнаруженные в ходе раскопок предметы зафиксированы в описи и представляют собой характерный для осетинских святилищ набор жертвенных приношений. Более успешным был сбор этнографических и фольклорных материалов. Полевые записи Пчелиной уточняют уже приводившиеся сведения о совершавшихся в Мигъдæуы дзуар'е обрядах поборимства и примирения кровников. Пчелина впервые записала легенду о происхождении святилища Мигъдæуы дзуар. Краткое, но очень ценное сообщение о происхождении святилища Ёмбæлæггаджы кувандон (Цуанонты кувæндон) раскрывает его связь с охотничьим культом и мифологией. В женском святилище Мигъдæуы Мады Майрæмы дзуар, согласно материалам Пчелиной, вплоть до конца XIX в. совершался в высшей степени необычный обряд «посвящения в половую зрелость», не известный по другим источникам. Обряд проводился с равноправным участием юношей и девушек, что позволяет по-новому оценить степень гендерной дифференциации в сакральной сфере традиционного осетинского общества. Изобразительные материалы извлечены из научных архивов Владикавказа и Санкт-Петербурга. Особого внимания заслуживают фотоснимки женского танца, зафиксированного в селении Дагом Урсдонского ущелья и идентичного ритуальному танцу, исполнявшемуся во время праздника в святилище Мигъдæуы Мады Майрæмы дзуар. Представленные материалы должны способствовать более глубокому изучению традиционных религиозно-мифологических представлений осетин.

Ключевые слова: Е.Г. Пчелина, Урсдонское ущелье, Мигъдæу, святилище охотников, культ охотников и воинов, охотничий миф, обряд перехода, Дзугаевы, Амбаловы.

Для цитирования: Дарчиев А.В. Культовый комплекс Мигъдæу в материалах археолого-этнографической экспедиции Е.Г. Пчелиной 1938 г. // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 50 (89). С.129-166. DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.009

Выдающийся кавказовед Е.Г. Пчелина внесла большой вклад в этнографическое осетиноведение. Как известно, значительная часть её научного наследия до сих пор не опубликована и только теперь начинает вводиться в научный оборот.

В 1938 г. Пчелина предприняла очередную археологическую и этнографическую экспедицию в горную часть Северной Осетии. В данной статье мы предлагаем вниманию читателей те материалы экспедиции, которые касаются культового комплекса *Мигъдау*, тем самым продолжая публикацию рукописного наследия Пчелиной, связанного с изучением этого важнейшего историко-культурного памятника Урсдонского ущелья.

Предлагаемый материал состоит из трёх основных частей.

1. Извлечение из отчёта Пчелиной о работе экспедиции 1938 г., находящегося в Научном архиве Института истории материальной культуры (ИИМК) [1]. Отчёт в свою очередь делится на два раздела:

а) Машинописный текст отчёта на листах стандартного формата. Следует отметить, что чистовые варианты своих работ Пчелина, как правило, печатала на одной машинке одновременно в 2-3 экземплярах при помощи копировальной бумаги. При этом качество полученных таким образом копий могло быть заметно хуже, чем у основного экземпляра. Видимо, в архив института попала именно такая копия, частое использование которой (работы Пчелиной были всегда востребованы среди специалистов) сделало текст местами весьма трудночитаемым. К сча-

стью, основной экземпляр рукописной части отчёта в превосходном состоянии сохранился в фонде Пчелиной в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) [2, 3, 4, 20-24], и мы предпочли использовать именно его.

б) Опись предметов, обнаруженных во время раскопок в святилищах *Мигъдауы дзуар* и *Мигъдауы Мады Майрамы дзуар*. Опись прилагается к отчёту в виде таблицы [1, 77-85, 87-91]. Надо полагать, Пчелина использовала какую-то заранее подготовленную шаблонную форму таблицы для археологических раскопок, о чём может свидетельствовать наличие в ней графы «№ погребения», хотя в данном случае речь должна идти о номере не погребения, а раскопочного квадрата. Для того чтобы сделать таблицу более компактной и удобочитаемой, мы внесли в неё незначительные изменения. В частности, последняя графа таблицы «Для особых отметок», используемая Пчелиной только для указания типа наконечника стрелы, удалена, а информация о типологии наконечников перемещена в графу «Описание вещи».

2. Полевые заметки и черновики Пчелиной, хранящиеся в СПбФ АРАН [3; 4; 5; 6]. Краткие полевые заметки на бумажных листках разного размера и формы (иногда просто на клочках бумаги) сделаны синими и красными чернилами, реже карандашом. Некоторые из них относятся ко времени первых посещений Урсдонского ущелья в 1920-х гг. Дифференцировать их от материалов 1938 г. – задача дальнейшей археографической обработки, для данной же публикации в этом нет принципиальной необходимости.

Черновые записи представляют собой относительно большие фрагменты текста, и, вероятно, предназначались для монографического исследования. Они также могут относиться к более позднему периоду, но, несомненно, основаны на материалах, собранных во время экспедиции 1938 г.

3. Фотографии и рисунки. Сюда включены приложенные к отчёту фотографии сакральных объектов комплекса *Мигьдау* (стеклянные негативы хранятся в СПбФ АРАН) [7], а также не вошедшие в отчёт фотографии, сделанные в ходе экспедиции 1938 г. в селении Дагом Алагирского ущелья. На последних запечатлён танец, подобный тому, который исполнялся женщинами в праздничный день у святилища *Мигьдау Майрамы дзуар*. Стеклопозитивы фотоснимков танца в количестве 5 шт. находятся в фонде Пчелиной в СПбФ АРАН [8]. Шесть фотографий этого танца дополнили фонд Национального музея РСО-А, причём две из них отсутствуют в СПбФ АРАН, стало быть, коллекция дагомских снимков могла дойти до нас не полностью.

Рисунки наружного вида и интерьеров святилищ культового комплекса *Мигьдау* выполнены входившим в состав экспедиции художником Павлом Михайловичем Блюме. Они отчасти дополняют и уточняют не вполне чёткие детали фотографий. Местонахождение оригиналов неизвестно, нам были доступны лишь копии, хранящиеся в научном архиве СОИГСИ [9] и фотоснимки этих изображений на стеклянных негативах в СПбФ АРАН (фонд Пчелиной) [7, 2, 21, 22, 25, 29, 34].

При подготовке материалов мы придерживались тех же правил, что и в предыдущей публикации. Выявленные в рукописной части ошибки и опечатки исправлены *tacita manu* (лишь осетинские имена и термины оставлены в том виде, в каком их приводит автор), сокращения и аббревиатуры развёрнуты, пропущенные слова восстановлены в квадратных скобках. Подстрочные примечания Пчелиной преобразованы в затекстовые и помещены непосредственно после тех фрагментов публикуемого текста, к которым они относятся. В качестве знака сноски для примечаний Пчелиной применяются буквы латинского алфавита, для ссылок на наши собственные затекстовые примечания используются цифры. Библиографические ссылки Пчелиной проверены по доступным нам оригиналам и приведены в соответствие с современными требованиями их оформления. В отчёте и черновых рукописях ссылки на изображения отсутствуют, однако все используемые фотографии отвечают содержанию этих фрагментов и потому включены в них в качестве иллюстративного материала с привязкой к соответствующим местам текста.

Публикуемые материалы дают новую пищу для размышлений о сущности культового комплекса *Мигьдау*. Как уже отмечалось, два главных святилища этого комплекса – *Мигьдау дзуар* и *Мигьдау Мады Майрамы дзуар* – Пчелина считала средневековыми христианскими часовнями, а фамилию Дзугаевых, первоначальных владельцев святилища *Мигьдау дзуар*, из которых избирались его жрецы, первыми христианами Урсдонского ущелья [10, 29-

32; 11, 12]. В полевых заметках фиксируются христианские элементы совершавшихся здесь обрядов: старики-жрецы молились у святилища, стоя на коленях и совершая крестное знамение [3, 125]. Пчелина также высказывает мнение, что «Михдау это Саниба» [5, 53, 54], т.е. Св. Троица. В то же время характер совершавшихся здесь обрядов не оставлял у Пчелиной сомнений в их глубоком архаизме, поэтому она вполне закономерно ставила вопрос: не возведены ли эти христианские часовни на месте древних дохристианских святилищ? Поиск ответа на этот вопрос являлся одной из задач планируемых в святилищах археологических работ.

К сожалению, раскопки в комплексе *Мигьдау* для экспедиции Пчелиной не были особенно удачными. Из-за противодействия местных стариков, и прежде всего, жреца святилища *Мигьдауы дзуар* Эльмурзы Амбалова, их пришлось поспешно завершить, не выполнив даже половины первоначально предполагавшегося объёма. Настоящее местонахождение обнаруженных при раскопках предметов неизвестно, но, вероятнее всего, они были переданы Северо-Осетинскому музею краеведения (ныне Национальный музей РСО-А), как это было сделано в 1936 г. с находками из святилища Реком. Согласно описи, подавляющую часть этих предметов составляли наконечники стрел из святилища *Мигьдауы дзуар*. Пчелина описывает их только по способу насадки на древко – все они черешковые. Для некоторых наконечников указана ещё и принадлежность к определённым типам, обозначаемым римскими цифрами. Какой типологией пользова-

лась Пчелина, сказать трудно, но и в то время, и гораздо позднее классификация наконечников стрел средневекового Кавказа была очень слабо разработана [12, 29, 30]. В отчёте наконечники стрел не датируются, хотя в монографии «Местность Уаллагир...», Пчелина пишет, что все наконечники из святилища *Мигьдауы дзуар* относятся к периоду XIV-XVII вв. [10, 31].

Намного успешнее проходил сбор этнографического и фольклорного материала, т.е. сведений о совершавшихся в *Мигьдау* обрядах и о происхождении сакральных объектов данного комплекса. В монографии «Местность Уаллагир...» Пчелина описывает обряд воинского побратимства, который, также как и в святилище Реком [13, 122], состоял в преломлении стрел и оставлении их в здании святилища *Мигьдауы дзуар* [10, 32]. Об аналогичном обряде, совершавшемся в этом святилище, пишет и другая участница экспедиции Е.Е. Баракова, однако называет его обрядом примирения кровников [14, 9]. Вероятно, в святилище совершались оба этих обряда, имевших один и тот же атрибут клятвы – стрелу, но использовавших её с некоторыми отличиями. Об этом может свидетельствовать тот факт, что одни наконечники стрел оставляли в щелях стен внутри святилища [10, 31], а другие вбивали в его опорный столб [2, 22]. На сделанной Пчелиной фотографии и рисунке П.М. Блюме видно, что почти все наконечники вставлены черешками в трещины разошедшегося опорного столба, словно оцетинившегося грозными остриями (рис. 3, 4).

Западный фасад святилища украшен рогатым черепом животного, как

полагают, тура [15, 42-44],¹ а внутри уже упоминавшийся христианский колокол был повешен на вставленном в стену оленьем роге. Согласно сведениям, записанным в 1932 г. в Урсдонском ущелье М.М. Цаллаговым от уже известного нам жреца святилища *Мигъдауы дзуар* Эльмурзы Амбалова, в прежние времена в этом святилище хранились в виде приношений оленьи рога, луки и стрелы. В минуту опасности местные жители устремлялись к святилищу и отсюда оборонялись от врага [16, 202]. Всё это, на наш взгляд, позволяет связать данное святилище с культом покровителя охотников и воинов.

На пути к *Мигъдауы дзуар* у находятся несколько святилищ, и первое из них – *Цуанонты кувандон*, т.е. «Молельня охотников», которое имеет и второе название *Амбәлаәггаджы кувандон*, «Святилище доли встречного». На этом объекте следует остановиться подробнее.

Описание святилища *Цуанонты кувандон* (иначе *Амбәлаәггаджы кувандон*), приведённое в отчёте 1938 г., Пчелина практически без изменений повторяет в монографии «Местность Уаллагир...» [10, 25]. Из него мы узнаём, что святилище представляло собой кучу из камней, оставляемых перед отправлением на охоту. Второе его название связано с тем, что по возвращении охотник на этом же месте выделял часть своей добычи встречному человеку. Поскольку местом исполнения охотничьего обычая было одноименное святилище, этому действию, надо полагать, придавалось сакральное значение, подобно тому как, например, сакрализации подвергся обычай госте-

приимства (также в широком смысле отражающий ситуацию встречи) как у осетин, так и у других народов.

О происхождении святилища ни в отчёте, ни в более поздних своих работах Пчелина ничего не сообщает. Но в публикуемых полевых записях имеется краткая заметка: «Камни складывают в Урсдонском ущелье около святилища Михдау, место Дурджинта. Охотник погиб, в честь его кладут камни» [4, 9]. Из этого очень важного дополнения следует, что легенда о происхождении святилища соответствовала широко распространённой у народов Кавказа легенде о погибшем охотнике, сюжет которой в основе своей восходит к архаичному охотничьему мифу, блестяще исследованному на материалах грузинского фольклора Еленой Багратовной Вирсаладзе [17, 46-69].

В Алагирском ущелье, недалеко от селения Верхний Ход имеется похожий сакральный объект – *Ахмәты цырт* «Памятник Ахмата». Его особенно почитали охотники, передавая из поколения в поколение легенду о происхождении памятника [18], и это, на наш взгляд, также свидетельствует о том, что перед нами ещё один реликт охотничьего культа и мифологии. Легенда эта записана от известного в Осетии сказителя Андрея Едзиева, и здесь мы предлагаем её краткий пересказ. На вершине Белой горы есть сложенный из горного камня памятник Ахмату. Как говорят, Ахмат был одиноким охотником из Туалгома. Вся его семья погибла под снежной лавиной, а сам он после долгих злоключений перебрался в Ход, жил в лесу и занимался охотой. Узнав однажды от дигорских охотни-

ков о красавице, сестре семи братьев, он посватался и получил согласие, обзавшись выплатить необычный выкуп: в течение ста дней каждый день приносить свежую добычу (тура). Славный охотник почти справился с заданием, однако вмешалась роковая случайность. Напоследок Ахмат подстрелил огромного тура, но, когда нёс его, поскользнулся и сорвался вместе с добычей в пропасть. Чтобы имя погибшего охотника не было забыто, ему поставили памятник. К памятнику приходят охотники и, если видят, что из него выпали камни, берут их и кладут обратно на памятник. См. также: [19, 47, 48]

В легенде об Ахмате мы видим те же основные элементы сюжета о погибшем охотнике, которые на грузинском фольклорном материале выявила Вирсаладзе. Во-первых, участие женского персонажа: жены, возлюбленной или невестки охотника. В грузинских легендах она вольно или невольно играет отрицательную роль и становится причиной гибели охотника. В осетинской легенде таким персонажем является невеста охотника, правда, без чётко выраженной вины: она не совершает ничего предосудительного, что могло бы навредить охотнику, но становится невольной причиной его гибели, ибо Ахмат погибает, собирая трудный выкуп за свою невесту. Непосредственная причина и обстоятельства гибели Ахмата совпадают в отдельных деталях с грузинскими текстами: неся убитого тура, Ахмат поскользнулся и сорвался в пропасть, подобно тому как грузинский охотник, поскользнувшись на скале, падает вслед за раненым им оленем [17, 52, 54, 58-60].

Особого внимания заслуживает описание действий охотников, совершаемых у памятника Ахмату: «Гьер маена цуанæттæй æмæ йæ чи зоны, уый, уым куы сæмбæлы, уæд дзы исты куы æрхауы дуртæй, уæд æй фæстæмæ сыварыны, мæ афтæмæй баззади, æндæр, æвæццагæн афонмæ ныккалдаид, фæлæ йæ фæстæмæ... нæ йæ уадзыны кæлын» [18]. («Ну вот, когда кто-нибудь из охотников и тех, кто знает, туда попадает, то, если из памятника выпали камни, то кладут их обратно, вот так он и сохранился, а иначе, наверное, уже бы давно разрушился, но не дают ему разрушиться»). Для сказителя это действие имеет чисто практический смысл и предназначено для поддержания сохранности памятника, но мы полагаем, что это позднее рациональное переосмысление того же описанного Пчелиной ритуального действия, которое в священном заповеднике *Мигъдæу* совершал каждый охотник, кладя камень в святилище *Æмбæлæггаджы кувæндон*.

За святилищем *Цуанонты кувæндон* / *Æмбæлæггаджы кувæндон* следует первое святилище *Худисæн* «Место снятия шапки» – благоговейный жест, совершаемый в знак вступления в священный заповедник *Мигъдæу*. За ним тропа ведёт к месту совершения праздничного моления *куывда*, и здесь находится второе святилище *Худисæн*, имеющее, согласно Пчелиной, и два других названия: 1) уже знакомое нам *Æмбæлæггаджы кувæндон* и 2) Могила Ашахмата. По словам Эльмурзы Амбалова, здесь обычно сидел Ашахмат и встречал идущих по этой тропе из местности *Залу* / *Заллу* в местность *Чъырамад*. Отсюда, как отмечает Пчели-

на, и название – *Æмбæлæггаг* «Встречный» [2, 20 об.]. Как видим, названию *Æмбæлæггаг* здесь даётся несколько иное объяснение, которое также подразумевает встречу (с Ашахматом), но не связывает её прямо с исполнением одноименного охотничьего обычая. Для того чтобы прояснить значение этого сакрального объекта, необходимо ответить на неизбежно возникающий вопрос: кто такой Ашахмат?

Пчелина поясняет, что в речи сказителя Эльмурзы Амбалова это имя имело несколько вариантов: Шах, Ашах и Ашахмат (осет. *Сах, Асах, Асахмæт*). Предание о заселении Алагирского ущелья, записанное Пчелиной от Эльмурзы Амбалова, гласит, что некогда здесь появились люди, принадлежащие племени ирæттæ. Они искали руду, а кроме того, были ещё и «замечательными охотниками, убивающими в окрестных лесах много дичи» [10, 9]. Часть этого племени во главе со своим предводителем по имени Шах (Ашах, Ашахмат) заселила Урсдонское ущелье, где у Шаха родился брат (?) по имени Олладжир. Первенцем этого Олладжира и был легендарный Осибататар [10, 10-13]. Как показывают публикуемые теперь материалы, с именем Шаха связывалось появление не только второго Худисæн'а (он же второй *Æмбæлæггаджы кувæндон*), но и главного святилища – *Мигъдæуы дзуар*.

В 1940 г. А. Баскаева записала от того же Эльмурзы Амбалова похожий текст, согласно которому покинувшие морское побережье осетины (*ирон адам*) под предводительством Шаха обосновались в Урсдонском ущелье, причём и в этом тексте они фигурируют как

охотники: «*Цуан кодтой, афтæмæй сæ хистæр Шах, зæгъгæ, уый ссардта дон (суадон)...*» [20, 20]. Правда, в этот раз сказитель называет другой вариант имени Шах – Шахмарза (*Сæхмæрза*), не упоминая варианты Ашах и Ашахмат. Отметим также, что в наиболее ранней версии этого предания, записанной в 1932 г. М.М. Цаллаговым, Эльмурза Амбалов называет предводителем осетин, переселившихся с Черноморского побережья в Урсдонское ущелье, не Шаха, а непосредственно Ос-Багатара (*Оси-Багъатыр*). Шаха (Ашаха, Ашахмата) в этой записи Э. Амбалов ни разу не упоминает [16, 199].

Итак, под именем Шах (Ашах, Ашахмат) в предании выступает один из легендарных прародителей осетин Алагирского ущелья, предводитель племени охотников и «рудознатцев». Мы видели, какой вариативностью может отличаться предание в репертуаре одного и того же сказителя. Стоит ли удивляться одновременному бытованию разных сказительских традиций, связанных с одним сакральным объектом. Это относится и ко второму святилищу *Худисæн / Æмбæлæггаджы кувæндон*, ведь существует и другая версия предания, по которой второй *Худисæн / Æмбæлæггаджы кувæндон* считается могилой, не Ашахмата, а *Иунаг*'а (Одинокого). Кое-что об этом персонаже Пчелина записала в 1938 г. всё от того же Эльмурзы Амбалова: *Иунаг* (Одинокий) возглавлял дружину своего дяди (?) Шаха и был сыном неизвестного отца и женщины-ведуньи, имевшей облик наполовину человеческий, наполовину звериный [10, 43]. Однако этот сказитель не связывает Одиноко-

го с каким-либо объектом культового комплекса *Мигъдау*.

В предании, записанном Пчелиной и Б.А. Алборовым в середине 1960-х гг. от Япона (Апона) Хестанова, *Иунаг* (Одинокий) имеет по «материнской линии» такое же необычное происхождение: он сын ведуньи (*дасны*), бывшей наполовину зверем, наполовину женщиной [21, 26 об.]. Что же касается отцовской родни *Иунаг*'а, то здесь в варианте Хестанова гораздо больше определённости: *Иунаг* сын не какого-то «неизвестного отца», а представитель фамилии Дзугаевых, т.е. первоначальных владельцев святилища *Мигъдауы дзуар*. Неудивительно поэтому, что в данной версии именно *Иунаг* из фамилии Дзугаевых выступает строителем *Мигъдауы дзуар*'а, а второе святилище *Худисан*, или же иначе *Амбалаггаджы куваendon*, считается местом погребения не Ашахмата, а *Иунаг*'а [22, 58-62].

Отдалённость *Иунаг*'а от родственного коллектива людей явствует уже из его имени и находит другие подтверждения в тексте предания. В то же время его связь с миром дикой природы обозначена его происхождением от женщины-ведуньи, териоморфизм которой отчасти сближает её с образом хозяйки леса, подобной богине Дали в грузинской мифологии. По ряду вариантов, у Дали рождается сын именно от связи с охотником (в частности, известный герой Амиран – сын Дали и охотника) [17, 93 сл.]. Хотя прямых указаний на это нет, возможно, что и осетинский *Иунаг* плод подобной связи охотника с полуженщиной-полувзверем. Во всяком случае, об одноимённом персонаже в осетинском фольклоре

известны и другие легенды, по многим признакам относящиеся к народным «охотничьим» произведениям.

В 1895 г. Гаппо Баев опубликовал в газете «Северный Кавказ» (№№ 14, 16) «Сказание об Одиноком». Герой сказания по имени Одинокий (*Иунаг*) – сын охотника. Он гораздо ближе к миру дикой природы, чем к родовому коллективу: желая устроить поминальную тризну по умершему отцу, Одинокий обращается за помощью не к родственникам, а отправляется в лес, чтобы просить у доброго Афсати лесной дичи. Просьба его удовлетворена, и Одинокий подстрелил дивного оленя. Но участь юноши печальна. Он погиб от рук повстречавшихся ему злых охотников, решивших присвоить его добычу (здесь в негативном контексте обыгрывается мотив исполнения охотничьего обычая *амбалаггаг* «доли встречного»). Умирая, Одинокий успел ещё взмолиться и поручить лучам солнца и зелёным листьям клёна дело отмщения за его невинную кровь [23]. Хотя этот текст, несомненно, подвергся авторской обработке Гаппо Баева, он представляет собой вариант фольклорного сюжета о погибшем охотнике. Мотив кленового листа (ветви), свидетеля предательского убийства охотника, присутствует в «Песне о Гуймане – сыне Уахатага» [24, 47, 48].

Ещё одно «Сказание об Одиноком» в изложении Цоцко Амбалова было опубликовано в 1928 г. в третьем выпуске «Памятников народного творчества осетин». Герой сказания по имени Одинокий рассказывает матери о своих необычных снах. Мать толкует их как предзнаменование грядущей беды. Через ка-

кое-то время зловещие сны сбываются, Одинокый гибнет в схватке с врагами [25, 123-125]. У этого героя как будто мало общего с одноимёнными персонажами, однако и здесь, пусть не наяву, а во сне, всплывают элементы охотничьего предания. Одинокому снится сон, в котором будущая реальная схватка с врагами предстаёт как погоня за оленями, а сам он – доблестный преследователь, поразивший меткими выстрелами все столь желанные для охотника цели. Идея тождества охоты и военного столкновения, подспудно присутствующая в сказании, уже отмечалась исследователями на других фольклорных примерах [26, 74, 75]. Причиной гибели героя, как и в сюжете о погибшем охотнике, является женский персонаж, правда, в героическом контексте: Одинокый погибает, спасая свою присяжную сестру. В этом мы видим сходство с рассмотренным выше преданием об одиноком охотнике Ахмате, которое усиливается одной специфической деталью. И Одинокого, и Ахмата смертельная опасность подстерегает именно в тот момент, когда цель, казалось бы, уже достигнута: Одинокого во сне пронзают рогами последний раненый им тур (а наяву поражает кинжалом последний раненый враг), Ахмат же, подстрелив последнего тура, необходимого для выкупа за невесту, срывается вместе с ним в пропасть и погибает.

Учитывая всё вышесказанное, мы не видим серьёзных препятствий для того, чтобы рассматривать и второе святилище *Æмбæлæггаджы кувæндон* (Могила *Иунæг’а*) как святилище, относящееся, во всяком случае, изначально, к охотничьему культу и связанное, как

и первое одноименное святилище, с исполнением сакрализованного обычая выделения из охотничьей добычи «доли встречного», т.е. *æмбæлæггаг*. Чем объясняется наличие сразу двух святилищ *Худисæн* и двух – *Æмбæлæггаг*? В сакральной практике осетин известны случаи переноса святилищ из труднодоступных в более удобные для паломничества места, при этом новое святилище сохраняло старое название. Имело ли место нечто подобное и в *Мигъдау*, судить не берёмся. Можно лишь предположить, что в этих дублетах отразилась сложность и многоступенчатость совершавшегося здесь некогда ритуала, вероятно, связанная и с неодинаковой степенью доступности в прошлом главных святынь культового комплекса для разных фамилий Урсдонского ущелья. Видимо, не случайным является и тот факт, что у начала заповедной территории *Æмбæлæггаг* и *Худисæн* – это два разных объекта, расположенных один за другим, а следующее за ними святилище *Æмбæлæггаг-Худисæн* как бы объединяет оба предыдущих, т.е. является своеобразной точкой совпадения ритуальных действий, совершавшихся поочередно и последовательно в каждом предыдущем святилище.

Мигъдауы Мады Майрæм – главное женское святилище Урсдонского ущелья, соответственно молиться к нему ходили только женщины с детьми. Пчелина пишет, что здесь, также как и в мужском святилище *Мигъдауы дзуар*, совершались «религиозные обряды, носящие в себе черты глубочайшей древности и не сохранившиеся в других местах». В качестве примера Пчелина

приводит описание совершавшегося здесь «посвящения в половую зрелость» [4, 148-150]. Данный текст проливает новый свет на существовавшие в традиционном осетинском обществе обряды перехода. В этнографической литературе имеются сведения о посвящении в категорию взрослых, проводившемся у разных народов Северного Кавказа для юношей, в то время как о подобного рода обрядах для девушек ничего не известно [27, 82, 83]. Пчелина же описывает в высшей степени необычный вариант обряда, в котором вместе с юношами участвовали и девушки. Мало того, обряд проходил не в мужском, а в женском святилище. Всё это, по справедливому мнению Пчелиной, указывает на реликты матриархального быта. Впрочем, и здесь видны следы христианского влияния: в обряде используются свечи, а само действие отчасти напоминает народный вариант христианской обедни.

После совершения этого обряда старшие женщины, становясь по две против двух, исполняли особый ритуальный танец. Две из них изображали мужчин, совершая недвусмысленные телодвижения, а хор присутствующих женщин пел песню нецензурного содержания. Если весь предыдущий обряд Пчелина знала только со слов информаторов, то танец ей довелось видеть самой: в том же 1938 г. по просьбе Пчелиной его исполнили старшие женщины селения Дагом Урсдонского ущелья. Пчелина сделала несколько фотоснимков этого танца и записала слова сопровождавшей его песни. Текст песни нам обнаружить не удалось, но в Национальном музее РСО-Алании сохранились фотографии (КМСО 2716, КМСО

2717: 1-5), с подписями на обороте, сделанными рукой Пчелиной: «Урсдонское ущелье, сел. Дагом. Танец “Далладжикаури”. Экспедиция Пчелиной, 1938 г. Фото Пчелиной». Нельзя не отметить определённого несоответствия фотоснимков и описания танца. Пчелина пишет, что танец исполнялся двумя парами женщин, стоящими друг против друга, но, хотя на одном из снимков мы видим четырёх женщин, на всех остальных танцующими запечатлены только две из них. На фотографиях нет решительно ничего из тех фривольных танцевальных движений, о которых пишет Пчелина, что может быть объяснено разными причинами: либо женщины, понимая, что снимки станут доступны взору множества посторонних людей, отказались изображать эти недвусмысленные танцевальные фигуры перед объективом фотоаппарата, либо Пчелиной был показан не тот ритуально-эротический танец, который, по рассказу её информаторов, исполнялся у святилища *Мигъдауы Мады Майрамы дзуар*. Наконец, такие фотоснимки, если они были, могли просто не сохраниться.

В.С. Уарзиати в монографии «Народные игры и развлечения осетин» довольно удачно сопоставил фотографии Пчелиной (правда, ошибочно относя их к 1936 г.) с описанным Б.А. Алборовым парным танцем «*Синджын кафт*» или «*Бадгæ кафт*», во время которого исполнители, положив руки на бедра, танцуют впрысядку. Действительно, на одной из пчелинских фотографий мы видим двух женщин: одна стоит, подбоченясь, а вторая танцует впрысядку (рис. 8, d). «*Синджын / Бадгæ кафт*» сопровождался звуками гармошки и выкриками «*Дæл*

ладжы гæккуыри, уæлладжы гæккуыри», т.е. «прыжок вниз, прыжок вверх» [28, 49]. Эти возгласы созвучны названию танца, записанному Пчелиной на обороте фотографий: «Далладжикаккури». Уарзиати отмечает по этому поводу: «Е. Г. Пчелиной в качестве названия танца по ошибке был записан характерный выкрик из толпы, сопровождавший его исполнение» [28, 49, 50].

Несмотря на все элементы сходства, следует всё же уточнить, что у Алборова танец «Синджын / Бадгæ кафт» не относится к женским, поскольку его исполняли «парень и девушка, а в старину и пожилые мужчина и женщина» [29, 40]. Ещё один проблемный момент состоит в том, что Уарзиати вслед за Алборовым пишет не *гæккуырис* «прыжки», а *гæккуыри* «ящерица», что не соответствует приведённому русскому переводу этой фразы и свидетельствует об ошибке либо в осетинском тексте, либо в его русском переводе. Несмотря на грамматически не вполне корректную фиксацию названия танца на обороте фотоснимков, в публикуемых материалах Пчелина приводит гораздо более точное написание этой фразы, видимо, являвшейся не «выкриком из толпы», а рефреном хорового пения, сопровождавшего танец: «Хор присутствующих женщин пел песню “Далладжикагæккуыри, Уалладжика хæфс суры” – “Внизу ящерица,верху лягушка гоняет”» [4, 150]. Эта запись Пчелиной решает проблему несоответствия осет. *гæккуыри* и его русского перевода у Алборова, а вслед за ним и у Уарзиати. Как видим, речь всё-таки о ящерице. Надо полагать, фривольные элементы танца передавались в песне средствами зоо-

морфного кода. Это особенно вероятно в отношении лягушки с присущим ей в мифологии разных народов любовно-брачным символизмом. См., например: [30, 381, 382].²

В заключение вновь хотелось бы обратить внимание на правильную форму экклезионима *Мигъдау*. Чтобы преодолеть существующую в литературе на осетинском языке традицию его некорректного написания (*Мигъдау*), приведённые ранее аргументы мы дополним ещё одним, пожалуй, наиболее весомым свидетельством из второго тома «Осетинско-русско-немецкого словаря» В. Ф. Миллера: «*Мигъдауы дзуар – s. название одного дзуара в Алагирском ущелье» [31, 816]. Знак звёздочки (*) означает, что слово отсутствует в рукописи Миллера и было добавлено в процессе редактирования. Большая заслуга в пополнении и редактировании 1 и 2 томов словаря принадлежала общественному деятелю, собирателю осетинского фольклора Цоцко Амбалову (1870-1937). Как известно, фамилия Амбаловых происходит из Урсдонского ущелья, в котором находится святилище *Мигъдауы дзуар*. Более того, представители фамилии Амбаловых и в те годы, и сейчас являются наследственными жрецами и хранителями этого святилища. Исходя из этого, полагаем, что название святилища *Мигъдауы дзуар* было добавлено в словарь именно Цоцко Амбаловым. Во всяком случае, у нас нет никаких оснований сомневаться в правильности формы *Мигъдау*, зафиксированной в словаре, редактированием и чтением корректур которого занимался непосредственно Цоцко Амбалов.

Е.Г. ПЧЕЛИНА. ОТЧЁТ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ 1938 г. НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Археологические раскопки экспедиции Северо-Осетинского Краеведения и Северо-Осетинского Антирелигиозного Музеев проводились в трех пунктах горной части Осетии: 1) в Урсдонском и 2) в Архонском ущельях (ответвлениях Алагирского ущелья) и 3) в сел. Махческ Дигорского ущелья. Открытый лист на раскопки был выдан ИИМК начальнику экспедиции по научной части археологу Е.Г. Пчелиной.

В состав экспедиции, работавшей в Урсдонском ущелье, входили:

В 1-ю группу, работавшую от 10.08 по 09.09. 1938 г.: археолог Е.Г. Пчелина; начальник по административной части экспедиции, директор Северо-Осетинского антирелигиозного музея Х.И. Бокиев,³ топограф Г.Г. Логинов, художник П.М. Блюме,⁴ этнограф-практикант, студент 4-го курса исторического факультета Северо-Осетинского пединститута А.М. Ревазов,⁵ рабочие землекопы Ханчери Амбалов 52 лет (рис. 1),⁶

Рис. 1. Ханджери Амбалов, житель селения Урсдон, участник экспедиции Е.Г. Пчелиной 1938 г. Фото Е.Г. Пчелиной. СПбФ аран. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

и Гапбола (?) Караев,⁷ 39 лет, оба – колхозники Урсдонского ущелья.⁸ Фотосъёмку производила Е.Г. Пчелина.

1. Разведочная археолого-фольклорная работа в Урсдонском ущелье Северо-Осетинской АССР.

Выбор Урсдонского ущелья как объекта обследования на 1938 г. сделан был мною вследствие 1) совершенной неизученности этого крайне интересного района ни в археологическом, ни в этнографическом, ни в фольклорном отношении. Кратковременные мои наезды сюда в 1928 и в 1929 гг. и беглые наблюдения, сделанные тогда мною наспех, давали мне возможность надеяться, что при более углублённой работе здесь можно будет найти исключительно богатый материал, могущий дать прежде всего ключ к передатировке уже имеющегося по Осетии археологического материала, заполняющего некоторые музеи нашего Союза, а также и за границей. 2) Этот район, по фольклорным данным, является одним из древнейших мест поселения в горах Осетии, бесспорно осетинского населения, ведущего свои родовые ответвления от легендарного «Оси-богатара»⁹ грузинских хроник. «Осибогатар» – т.е. «Осетинский богатырь» фигурирует в Грузинской истории три раза: в V, XIII и в XV¹⁰ веках, и выяснение, к какому именно Оси-богатару относятся осетинские фамилии Урсдонского ущелья и каково было имя этого «богатара», казалось мне заманчивым.¹¹ Кроме того, меня интересовал вопрос и о доосетинском населении в этом

ущелье и, опять-таки, возможности найти ключи к отысканию имени этого народа. 3) Урсдонский район сохранил до наших дней во всей своей полноте древне-осетинский культ со всеми разновидностями своих божеств: охотничьих, скотоводческих, земледельческих и военных. Святилища этого района ещё действуют, но подошли уже к грани своего уничтожения. Фиксация ещё живущей, но уже далеко ушедшей от современности идеологии стариков, казалась мне чрезвычайно важной. Всё это вместе взятое и повлияло на выбор мною места для археологических работ лета 1938 года.

За отсутствием каких-либо литературных данных мы начали свою работу, прежде всего, с тщательного обхода всей местности, фотосъёмки, топо-съёмки и зарисовок отдельных объектов и обширной записи всего, чтобы нам ни говорили об этих местах и событиях, происходивших здесь, как бы всё это не было нелогично и запутано.

В отношении археологической разведки, а также фольклорных записей за месяц, проведённый нами здесь, были сделаны лишь только первые шаги, но и то, что было нами собрано, даёт надежду на то, что этот район выбран нами для обследования правильно. ...

Священная заповедная местность Михдау-дзуар примыкает к местности Залу, заканчивающейся с другой стороны древней таможенной заставой – воротами «Чрамад» и Урсдонской крепостью «Далаг-кау фидар». В состав местности Михдау-дзуар входят святилища по направлению с северо-запада на восток: «Амбалагкаг-дзуар» или он же «Цуанонтае дзуар», представляю-

щий собою расплывчатую кучу щебня, находящуюся под утёсом «Михдау кадзах» «Утёс Михдау», на вершине которого расположено место моления для фамилий селения Цамад, подле родовых пашен фамилии Амбаловых. Каждый охотник «цуанон», идущий на охоту, приносит сюда и кладёт один камень. Возвращаясь с охоты, на этом месте он отдаёт, по осетинским обычаям, долю от убитой дичи всем встретившимся ему. Отсюда второе название этого дзуара – «Амбалагкаг», т.е. «встречный», «товарищеский». За этим дзуаром, у этой же скалы имеется первый из дзуаров «Худишен», т.е. место снятия шапки. Дзуар этот представляет собой сложенный из рваных кусков камня сухой кладкой жертвенник, в плане четырёхугольный. Размер стороны 2,1 м. х 1,75 м. Высота его 1,12 м. В восточной стене жертвенника нишка: высота 0,34 м, ширина 0,35 м, глубина 1,6 м, в которой были положены «нишейнагте» (вотивные приношения): окаменелости в виде аммонитов, просверленные камни, камни с бороздками и два чашечных камня с пятью углублениями на каждом. Нишейнагте мною взяты и отправлены в Северо-Осетинский антирелигиозный музей.

За дзуаром «I-й Худишен» начинается подъем к месту кувда (моления) около Михдау. Здесь прислоненный к скале стоит II-й «Худишендзуар», или же «Могила Ашахмата». Рассказывают, что это было любимое место Ашахмата, где он обычно сидел и встречался с идущими по дороге из Залу в Чрамад. Поэтому и этот дзуар некоторыми называется также «Амбалагкаг» – «Встречный». Этот дзу-

ар представляет собой типичную для древних осетинских кладбищ форму надмогильной прямоугольной в плане сухой кладки и цирта, сложенного на извести, с двухскатной крышей. Такие надмогильные сооружения имеются, например, в Куртатинском и Дигорском ущельях (селения Лац, Лезгор, Донифарс, Махческ и другие). Длина надмогильной кладки из камней (сухой) 3 м, ширина 1,3 м. Высота цирта 2,16 м, ширина у основания 0,55 м, размер нишки, обращённой на восток, 0,15 х 0,16 м.

От этого дзуара поднимается крутой подъём к зданию главного в ущелье святилища – «Михдау-дзуар». Святилище представляет собою небольшую часовенку, к которой примыкает два дворика. С восточной стороны дворика имеется несколько древних, уже высохших «священных деревьев» можжевельника, по сказанию, насчитывавших свыше тысячи лет. С северо-запада к Михдау примыкает цардаг фамилии Дзугатае, являвшихся в древности главными хозяевами святилища, и лестница, ведущая к возвышению «двориков» святилища. В цардаге Дзугаевых находится большое священное дерево из породы можжевельников, которому, считают, 800 лет (рис. 2).

Рассматривая название святилища Михдау, надо это слово расчленить на два: «Мих», туман – это бесспорно. Вторая же часть названия святилища спорна. Дау – может быть и сокращение от слова дауджите «небесные духи», а может быть и от слова «дау» – подозрение, клятва. В обоих значениях это название соответствует содержанию этого святилища.

Рис. 2. Цардахъ фамилии Дзугаевых у святилища Мигъдауы дзуар. Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г. Рисунок П.М. Блюме. НА СОИГСИ. Ф. 19. Д. 109. Л. 28.

По преданию, однажды на скалу, где теперь святилище Михдау, прилетел светлый дух и стал на его вершине. Ашахмат, увидев это, пошёл на него со всем своим войском, но дух заметил это, окутал себя туманом и исчез. На другой день Шах построил там святилище. В этом святилище происходило в течение ряда веков, вплоть до революции, приведение к присяге подозреваемых в наиболее тяжких преступлениях. Здесь производилась «клятва железом и клятва землёй». Обвиняемый босой, без пояса, в белом одеянии, наподобие савана, вместе со своими соприсяжниками родственниками по отцу подводился дзуарлагами (жрецами) к лесенке, поднимающейся в святилище. В руках у обвиняемого была

железная вещь из дома его предков, или же в шапке он нёс горсть земли, взятой с родовой пашни. По лестнице он поднимался один. Железо или землю обвиняемый должен был отнести в святилище и положить там. В случае, если это было сделано, абсолютная невиновность его считалась доказанной. Отсюда якобы и название этого дзуара – «Клятва в тумане», так как этот дзуар из-за высоты своего положения часто затягивается облаками. Дзуар Михдау принадлежит к разряду родовых святилищ. Несмотря на то, что праздник в честь него празднуется всеми селениями Урсдонского ущелья вплоть до нашего 1939 года (режется теперь два быка вместо 100 быков дореволюционного времени), право входа в цардаг – место моления, примыкающее к самому святилищу – дозволяется только старейшим из стариков Цахилтаэ.

Раскопки в святилище Михдау (14/VIII – 1938 г.). Первоначально представлялись мне в размерах: 1) Вскрытия пола внутреннего помещения святилища, его двух дворики и цардага «места культового пиршества», примыкающего к святилищу. Но, во-первых, опасаясь раздражить население и помня, как мне в 1929 г. за своевольный вход в это святилище пришлось перенести от стариков большие неприятности, а во-вторых, зная о пущенных про меня слухах, что я буду искать золото и что местонахождение легендарного урсдонского клада весом «поклажи на трёх ослах» мне досконально известно, я ограничилась раскопкой только внутри самого святилища (в 9 квадратах, см. план) и дворика у самого входа в святилище (3 метра). Цель

моей раскопки была прежде всего в желании при помощи найденных предметов определить время бытования этого здания, выяснить характер «нишейнагов», культовых приношений, в этом дзуаре, служившем, по сказаниям, не только местом принесения присяги описанным уже способом, но и местом примирения кровников с обрядом «преломления древка стрелы», как это было установлено мною при раскопке в Рекоме. Затем меня интересовал вопрос о «дворике» Михдау дзуара – не являлся ли его дворик в ограде местом поклонения более давним, чем часовенка, и не связано ли построение здесь часовенки с желанием христианизировать древне-языческое капище, как это было установлено в Рекоме.

Затем меня интересовала структура построения площадки дворика и нахождения потайной камеры, о которой говорит легенда. К сожалению, эту обширность замыслов пришлось сузить до пределов тех нескольких метров, о которых уже упомянула. Чтоб не раздражать население, по согласованию с партийными организациями сельсовета и колхоза, в святилище для раскопки вошли: я, директор Северо-Осетинского антирелигиозного музея Х.И. Бокиев и студент IV курса истфака Северо-Осетинского пединститута А.Т. Ревазов. Лопаты и кирки были принесены нами накануне и спрятаны вблизи святилища. Топограф, бывший с нами, (Логинов Г.Г.) сделал план святилища. Войдя в святилище, в котором я была два раза в 1928 и 1929 гг., я увидела, что оно не представляет собой той неприкосновенности, что было 10 лет тому назад. Несмотря на то, что взрослое

население Урсдонского ущелья до сих пор соблюдает запрет входа сюда, антирелигиозные настроения молодёжи сделали своё дело. Склада железных вещей в середине святилища, результата «клятв железом», поразившего меня в предыдущие посещения, уже не было. Как потом я узнала, эти предметы были украдены несколькими юношами и проданы кузнецу в Алагире. Священный колокол продолжал висеть на своём крючке, сделанном из ветви рога оленя (рис. 3), стрелы также остались вбитыми в столб, поддерживающий стропильную балку крыши (рис. 4).

Рис. 3. Интерьер святилища Мигъдауы дзуар. Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г. Рисунок П.М. Блюме. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

Древний столб, крестообразный в разрезе, с рогообразной капителью, ранее стоявший у восточной стены, упал; капитель сломалась на три части. Столб вывезен нами в Северо-Осетинский антирелигиозный музей.¹²

Перед раскопкой мы руками выдернули всю траву, боясь потерять в дёрне «нишейнагте».

По очистке пола святилища от травы мы разметили метровые участки и начали вскрывать пол.

Рис. 4. Опорный столб святилища Мигъдауы дзуар. Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г. Фото Е.Г. Пчелиной. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.

Пол святилища представлял собой хорошо убитую земляную площадку. Глубина земляного слоя 0,24 м. Ниже, до глубины 0,55 м, шёл слой засыпки площадки щебнем. Под щебнем оказался навал из камней, уравнивающий площадку «дворика» Михдау-дзуара, выстроенную между глыбами скал неравной высоты. Т.е. и здесь имеется аналогия к «дворнику» дзуара Реком в Цейском ущелье. Вещи, найденные нами в полу святилища, лежали только в верхнем слое, на глубине от 0,03 до 0,21 м (см. приложение «Опись вещей»). Раскопку пришлось на этом закончить. Раскопанную площадку мы тщательно затоптали и несколько декорировали. Главный из дзуарлагов святилища Михдау (рис. 5) заподозрил нас в хитрости и, несмотря на полагавшийся для него «запрет» на вход в святилище раньше 7-ми дней очищения (мытья в молоке и молочном посте), всё же на другой день после наших

раскопок поднялся в святилище и долго там всё внутри осматривал (рис. 6).

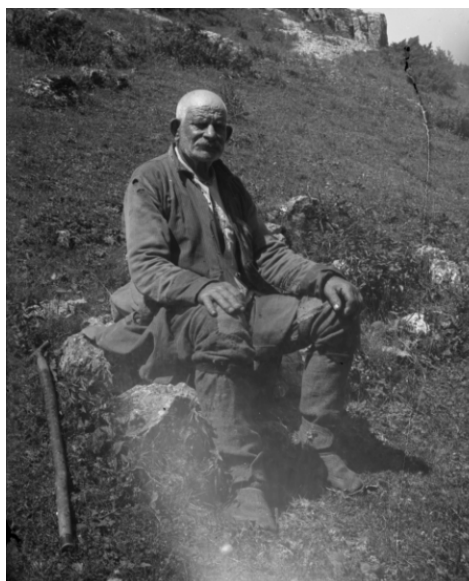

Рис. 5. Эльмурза Амбалов, жрец (дзуарылагг) святилища Мигьдауы дзуар. Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г. Фото Е.Г. Пчелиной. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 4. Л. 7

Михдау дзуар является покровителем исключительно мужчин, по-видимому, это одно из названий божества мужского начала и войны Уастрджи. Выше Михдау имеется святилище «Майрем-Михдау» (рис. вид издали), дзуар фаллического культа, межродового характера, посещаемый только женщинами. По преданию, однажды

был большой туман, и, когда он рассеялся, то около Михдау-дзуара стоял светлый дух, а выше в скалах стоял «Сау лаэг» – «Чёрный человек». «Был ли это мужчина или женщина – неизвестно, но это был “Майрем”». Боясь его, мы построили ему там капище, кувандон – Майрем Михдау дзуар». Празднуется Майрем дзуар в день «Ична», бывающего через неделю после Михдау-дзуара, празднуемого в понедельник через три недели после праздника «Фыд Иоане» (Иоанна Крестителя), бывающего тоже в понедельник. О дне же «Ична» рассказывается следующее: «Ична» – имя сына Шаха. У Шаха долго не было детей. Его жена пришла в Майрем Михдау дзуар и там молилась и плясала. после этого у Шаха родился сын. В честь сына Шаха и ведётся этот праздник.

В Майрем Михдау дзуаре из года в год оставляется бутылка с освящённым пивом, глоток которого должен выпить старший из дзуарлагов святилища перед началом моления. Дзуарлагами в этом святилище бывают три самых древних старика из всего Урсдонского ущелья.¹³ На празднестве

Рис. 6. Эльмурза Амбалов у святилища Мигьдауы дзуар. Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г. Фото Е.Г. Пчелиной. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 3. Л. 14.

Ична женщины и юноши со всего ущелья собираются около Майрем Михдау дзуара. Причём девушки и юноши (девственные) входили внутрь святилища босиком, в белых одеждах, без пояса. Они становились внутри святилища на колени и крестились, затем девушки снимали с себя платки и обвешивали ими священное дерево. После этого начинались пляски и коллективный пир.

В прошлом на этом пиру замужние женщины танцевали эротический фаллический танец «Далладжика кури, Уалладжика», т.е. «Вверху лягушка, внизу ящерица». Танец этот неизвестен в литературе и не сохранился нигде, кроме Урсдонского и Архонского ущелий. Я увидела его в этом году впервые и сфотографировала некоторые фигуры танца. Исполняли танец по моей просьбе четыре старухи из селения Дагом.

Раскопку в Майрем Михдау дзуаре мы произвели 16 / VIII – 1938 г., через день после раскопки в Михдау дзуаре. По договорённости с партиячейками сельсовета и колхоза, мы в том же составе начали работу без рабочих, но начало работы здесь не было удачным для нас. Начали мы раскопку в 5 ч. утра, но вскорости нам пришлось её прекратить и раскоп засыпать, так как мы издали увидели идущего по направлению к нам дзуарлага в сопровождении нескольких пожилых колхозников.

Михдау дзуар представляет собою развалины часовенки, прямоугольной в плане, к которой позднее пристроен был «цардаг» из камня, сложенный сухой кладкой, грубой работы. Обе постройки теперь крыши не имеют. Площадь пола Майрема оказалась заваленной камнями от обрушившихся внутрь

святилища стен. На удаление этих камней у нас ушло много времени и нами был вскрыт дерновый слой только с ... (*неразборчиво* – Д.А.) глубиной 0,15 м и слой почвы глубиной 0,95 м. Эти шесть метров, снятые на глубину 0,2 м, дали нам 66 «нишейнагте» (вотивных приношений). См. опись найденных вещей.

За заповедником Михдау, выше кладбища Дуртжен идёт дорога к востоку на игрищное поле (состязания в скачках, борьбе, стрельбе в цель) для мужчин в день празднеств дзуаров Михдау и Майрем Михдау в день «Ична». Поляна эта довольно обширна и ровна. Руками урсдонцев с неё удалены все камни, могущие испортить лошадям ноги при скачках. На краю этого поля стоит цирт в честь Олладжира (дольмен в кругу из камней), являющийся якобы могилой Олладжира (вообще в Осетии цирты такого типа, как правило, никогда не ставятся над могилой). Высота цирта 2,21 м, ширина 0,34, толщина камня 0,11. Диаметр круга из камней 2,5 м. В конце этой поляны (в восточной её части) имеется Арвзефедзуар («Удара с неба дзуар»), являющийся якобы двойной могилой Осибогатара и его жены Ахсин. Дзуар представляет собой каменную кладку в плане в виде удлинённого прямоугольника (длина 7,13 м, шириной около 2 м, не везде одинаковая), с поставленным (сложенным из камней) в середине этого сооружения почти кубической формы жертвенником с нишкой, обращённой на восток. Высота «куба» 1,36 м, ширина стороны 0,93 - 1 м.

Этим дзуаром комплекс святилищ заповедника Михдау заканчивается.

СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 573.

Л. 3, 4, 20-24.

**Раскопки Е.Г. Пчелиной 14 августа 1938 г. в святилище Мигьдауы дзуар.
Опись находок**

№ му- зейной описи	№ по- гребе- ния	№ вещи в по- гребе- нии	Описание вещи	Сохран- ность	Кол-во вещей	Материал	Размер
1	P11	1	Наконечник стрелы черешковый		1	Железо	Длина до черешка 0,098. С черешком 0,13. Перо внизу ши- рина 0,045.
2-7	P11	2-7	Наконечники стрел черешковые		6	Железо	Длина до черешка 0,078. Длина с череш- ком 0,11. Ширина пера внизу 0,018.
8-13	P13	1-6	Наконечники стрел черешковые		6	Железо	
14	P13	7	Наконечник стрелы черешковый		1	Железо	Длина до черешка 0,112. Длина всей стрелы 0,185
15	P13	8	Наконечник стрелы черешковый. Тип II		1		
16	P13	9	Чашка белая с лилово- го цвета цветком	Обломок	1	Фарфор	
17	P13	10	Рюмка 8-гранная	Без поддо- на	1	Стекло	
18	P13	11	Олений рог	Обломок	1	Кость	
19	P14	1	Сосуд для питья араки (рог)		1	Рог	
20	P14	2	Пластика с вытрав- ленным орнаментом		1	Стекло	
21	P14	3	Наконечник стрелы черешковый. Тип I		1	Железо	
22	P14	4	Наконечник стрелы черешковый		1	Железо	
23-26	P14	5-8	Наконечники стрел черешковые		4	Железо	
27	C11	1	Монета русская, 20 коп. 1909 г.		1	Серебро	
28-29	C11	2-3	Наконечники стрел черешковые		2	Железо	
30	C13	1	Крест плоский	Сломан	1	Железо	Длина 0,09
31	C13	2	Пуля круглая		1	Свинец	Диаметр 0,012
32	C13	3	Наконечник стрелы черешковый		1	Железо	
33-34	T11	1-2	Наконечники стрел черешковые. Тип II		2	Железо	
35-39	T11	3-7	Наконечники стрел черешковые		5	Железо	
40	T12	1	... от сосуда	Осколок	1	С т е к л о тём.-жёл., янт. цвета	
41	T12	2	Монета русская, 15 коп. 1912 г.		1	Серебро	
42	T12	3	Монета русская, 10 коп. Год стёрт.		1	Серебро	
43-49	T12	4-10	Наконечники стрел черешковые. Тип I		7	Железо	

50	T12	11	Наконечник стрелы черешковый. Тип II		1	Железо	
51	T13	1	Пуля круглая		1	Свинец	Диаметр 0,012
52	T13	2	Монета русская, 20 коп. 1915 г.		1	Серебро	
53	T13	3	Монета русская, 10 коп. 1891 г.		1	Серебро	
54	T13	4	Монета русская, 10 коп. 1861 г. С просверлиной для ношения.		1	Серебро	
55-61	T13	5-11	Наконечники стрел черешковые. Тип I		7	Железо	
62-68	Y11	1-7	Наконечники стрел черешковые. Тип I		7		
69	Y11	8	Наконечник стрелы черешковый. Тип IV		1	Железо	
70	Y11	9	Наконечник стрелы черешковый		1	Железо	
71	Y12	1	Обойма от патрона современной винтовки		1	Медь	
72	Y12	2	Пластика золочённая с геометрическим орнаментом нарезкой	Обломок	1	Бронза	Длина 0,02. Ширина 0,012
73	Y12	3	Пластика, вероятно, застёжка от Евангелия, с изображением святого, украшена эмалью голубого, синего и красного цветов	Обломок	1	Бронза	Диаметр 0,13. Ширина 0,053
74	Y12	4	Ложка византийского типа	Обломок	1	Медь	Длина обломка 0,025. Ширина ложки 0,035
75	Y12	5	Ручка трубочкой, вероятно, обломок ложки	Обломок	1	Медь	Длина 0,075
76	Y12	6	Крест четырёхконечный с черешком		1	Железо	Размер креста 0,095 x 0,095. Длина черешка 0,045
77	Y12	7	Копьё втульчатое	Обломок	1	Железо	Длина обломка 0,17 м.
78	Y12	8	Копьё втульчатое	Обломок	1	Железо	Длина обломка 0,21
79	Y12	9	Пуля литая с «ножкой»		1	Свинец	Диаметр 0,013. Длина ножки 0,02
80	Y12	10	Монета русская, 2 коп. 1911 г.		1	Медь	
81	Y12	11	Монета русская, 20 коп. 1911 г.		1	Серебро	
82	Y12	12	Монета русская. 10 коп. 1866 г. с отверстием для ношения.		1	Серебро	
83	Y12	13	Монета советская, 20 коп. 1931 г.		1	Серебро	
84	Y12	14	Монета русская, 20 коп. 1915 г.		1	Серебро	
85	Y12	15	Монета русская, 10 коп. 1895 г.		1	Серебро	
86	Y12	16	Монета русская, 10 коп. Год стёрт.	Стёртая	1	Серебро	

87	У12	17	Монета русская, 10 коп. 1915 г.		1	Серебро	
88	У12	18	Монета русская, 10 коп. 1916 г.		1	Серебро	
89	У12	19	Монета русская, 15 коп. 1907 г.		1	Серебро	
90-94	У12	20-24	Наконечники стрел черешковые. Тип I		5	Железо	
95	У12	25	Наконечник стрелы черешковый. Тип IV		1	Железо	
96-97	У12	26-27	Наконечник стрелы черешковый				Длина с черешком 0,08
98-127	У12	28-56	Наконечники стрел черешковые. Тип I		29	Железо	
128	У13	1	Пластика, подобная № 73 (У12 / 3)	М а л е н ь - кий обло- мок	1	Бронза	
129	У13	2	Монета русская. 15 коп. 1915 г.		1	Серебро	
130-131	У13	3-4	Наконечники стрел черешковые. Тип VI		2	Железо	
132	У13	5	Наконечник стрелы черешковый. Тип IV		1	Железо	
133	У13	6	Черешок от наконечника стрелы		1	Железо	
134-135	У13	7-8	Фрагменты, вероятно, остатки сабель	Обломки	2	Железо	
136	У13	9	Ножик в остатках деревянных ножен		1	Железо и дерево	
137	У13	10	Наконечник стрелы черешковый. Тип V		1	Железо	
138	У13	11	Наконечник стрелы черешковый. Тип V (?)		1	Железо	
139-142	У13	12-15	Наконечники стрел черешковые		4	Железо	
143-150	У13	16-23	Наконечники стрел черешковые		8	Железо	
151	Ф11	1	Монета русская, 5 коп. 1905 г.		1	Серебро	
152	Ф11	2	Нож в остатках ножен		1	Железо, дерево	Длина 0,135
153	Ф11	3	Наконечник стрелы черешковый		1	Железо	
154	Ф11	4	Наконечник стрелы черешковый. Тип I (?)		1	Железо	
155-157	Ф11	5-7	Наконечники стрел черешковые. Тип II (?)		3		
158-165	Ф11	8-15	Наконечники стрел черешковые. Тип I (?)		8		
166	Ф12	1	Рукоятка сабли или меча	Обломок	1	Железо	
167	Ф12	2	Втулка от копья	Обломок	1	Железо	Длина 0,185
168	Ф12	3	Копьё	Обломок	1	Железо	Длина 0,26
169-170	Ф12	4-5	Фрагменты меча	Обломок	2	Железо	
171	Ф12	6	Ложечка византийской формы	Обломок	1	Бронза	

172-179	Ф12	7-14	Наконечники стрел черешковые. Тип IV		8	Железо	
180-188	Ф12	15-22	Наконечники стрел черешковые. Тип V (?)		8		
189	Ф12	23	Наконечник стрелы черешковый. Тип IV		1		
190-216	Ф12	24-50	Наконечники стрел черешковые. Тип I (?)		27	Железо	
217-227	Ф12	51-61	Наконечники стрел черешковые		11	Железо	
228	Ф12	62	Наконечник стрелы черешковый. Тип VII		1	Железо	
229-230	Ф13	1-2	Фрагменты сабли		2	Железо	
231	Ф13	3	Монета русская, 15 коп. 1916 г.		1	Серебро	
232	Ф13	4	Монета польская, 1 злотый, 1837 г.		1	Серебро	
233	Ф13	5	Монета русская, 10 коп. Год стёрт		1	Серебро	
234	Ф13	6	Монета советская, 10 коп. 1931 г.		1	Серебро	
235	Ф13	7	Серп	Обломок	1	Железо	
236-246	Ф13	8-18	Наконечники стрел черешковые		11	Железо	
247	Ф13	19	Наконечник стрелы черешковый. Тип V		1	Железо	
248	Ф13	20	Наконечник стрелы черешковый		1	Железо	
249-254	Ф13	21-26	Наконечники стрел черешковые		6	Железо	
255	Ф13	27	Наконечник стрелы черешковый. Тип X (?)		1	Железо	
256-265	X11	1-10	Наконечники стрел черешковые		10	Железо	
266-269	X11	11-14	Наконечники стрел черешковые		4	Железо	
270	X11	15	Наконечник стрелы черешковый		1	Железо	
271	X11	16	Фрагмент копья		4 (?)	Железо	
272	X11	17	Крест четырёхконечный		1	Железо	Длина 0,12; ширина 0,085
273	X11	18	Фрагмент от надочажной цепи		1	Железо	
274	X12	1	Монета русская, 20 коп. 1910 г.		1	Серебро	
275	X12	2	Монета русская, 20 коп. 1911 г.		1	Железо	
276	X12	3	Стержень проволоочный	Обломок	1	Бронза	Длина 0,067
277	X12	4	Наконечник стрелы черешковый. Тип VI		1	Железо	
278-294	X12	5-21	Наконечники стрел черешковые. Тип I		17	Железо	
295-299	X12	22-26	Наконечники стрел черешковые. Тип X		5	Железо	
300-304	X12	27-31	Наконечники стрел черешковые. Тип II		5	Железо	

305	X18	1	Монета русская, 1 копейка. 1904 г.	1	Медь	
306	X18	2	Монета русская, 20 коп. 1915 г.	1	Серебро	
307	X18	3	Монета русская, 10 коп. 1915 г.			
308	X18	4	Пуля цилиндрической формы	1	Свинец	
309	X18	5	Крест четырёхконечный	1	Железо	Длина 0,325; ширина 0,225
310-322	X18	6-18	Наконечники стрел черешковые. Тип I	13	Железо	
323	X18	19	Наконечник стрелы черешковый. Тип VIII	1	Железо	
324-329	X18	20-25	Наконечники стрел черешковые. Тип X	6	Железо	

Раскопки Е.Г. Пчелиной 16 августа 1938 г. в святилище Мигъдауы Мады Майрамы дзуар. Опись находок

№ музей-ной описи	№ погреб.	№ вещи в погреб.	Описание вещи	Сохранность	Кол-во	Материал	Размер
1	Л4	1	Монета советская, 10 коп. 1923 г.		1	Серебро	
2	Л4	2	Монета русская, 15 коп.		1	Серебро	
3	Л5	1	Монета русская, 10 коп. 1910 г.		1	Серебро	
4	Л5	2	Монета русская, 10 коп. 1903 г.		1	Серебро	
5	Л5	3	Тарелка: по белому фону растит. орнамент синим. XX в.	Обломки в 3 кусках	1	Фаянс	
6	Л5	4	Вкладыш в ячейку перстня жёлтый		1	Стекло	
7	Л5	5	Буса рубчатая, цилиндрическая, бутылочного цвета	Обломок	1	Стекло	
8	М4	1	Монета советская, 15 коп. 1932 г.		1	Серебро	
9	М4	2	Монета русская, 10 коп. 1836 г.		1	Серебро	
10	М5	1	Монета советская, 15 коп. 1932 г.		1	Серебро	
11	М5	2	Монета советская, 10 коп. 1922 г.		1	Серебро	
12	М5	3	Монета русская 5 коп. 1902 г.		1	Серебро	
13	М5	4	Тарелка, по белому фону растительный орнамент синим	Обломок в 2 кусках	1	Фаянс	
14	М5	5	Дно ножки рюмки	Осколок	1	Стекло	
15	М5	6	Рюмка. На ножке намотана серебряная нитка	Разбита	1	Стекло и серебро	
16	М5	7	Стакан белый, прозрачный, с веткой, нарисованной красной краской с позолотой	Разбит и склеен	и 1	Стекло	Высота 0,065. Диаметр 0,05

17	M5	8	Буса круглая		1	Халцедон	Диаметр 0, 012
18	M5	9	Буса 12-гранная, неправильной формы, белая, прозрачная.		1	Стекло	Высота 0, 012
19-21	M5	10-12	Бусы круглые, лилового цвета		3	Стекло	Диаметр 0, 005 и 0, 002
22	M5	13	Пронизь голубая, непрозрачная		1	Стекло	Длина 0, 007
23	M5	14	Пронизь синяя прозрачная		1	Стекло	Длина 0, 005
24	M5	15-17	Бусы круглые непрозрачные, круглые		3	Стекло	Диаметр 0, 003
25-46	M5	18-39	Бисер синий, круглый		23	Стекло	Диаметр 0, 001
47	M5	40	Бисер неправильный, круглый, лилового цвета		1	Стекло	Диаметр 0, 001
48	M5	41	Бисер белый		1	Стекло	Диаметр 0, 001
49	M5	42	Пуговка-бубенчик	Обломок	1	Бронза	
50	H4	1	Привеска: шарик на конусообразном трубчатом стержне с петелькой сверху		1	Серебро	Длина привески 0, 032. Диаметр шарика 0, 01
51	H4	2	Монета советская, 20 коп. 1931 г.		1	Серебро	
52	H4	3	Пузырёк жёлтый с раздутым горлышком	В обломках (5 кусков)	1	Стекло	
53	H5	1	Монета русская, 10 коп. 1910 г.		1	Серебро	
54	H5	2	Дно ножки рюмки	Обломок	1	Стекло	
55	H5	3	Дно ножки рюмки	Обломок	1	Стекло	
56	H5	4	Альчик овечий		1	Кость	
57	H5	5	Перстень проволоочный со стеклом белого цвета в ячейке		1	Серебро, стекло	
58	H5	6	Буса бутылочного цвета, рубчатая	Обломок	1	Стекло	
59	H5	7	Буса 12-гранная		1	Халцедон	
60	H5	8	Буса 12-гранная белая		1	Стекло	
61-66	H5	9-14	Бусы круглые		6	Халцедон	Диаметр 0, 006

РО ИИМК. Ф. 35. Оп. 1938. Д. 252. Л. 77-85, 87-91

Е.Г. ПЧЕЛИНА. ПОЛЕВЫЕ ЗАМЕТКИ И ЧЕРНОВИКИ (1928 -1965 гг.)

За первым дзуаром Худишен начинается подъём к месту кувда около главного святилища Михдау. На этом подъёме стоит прислонённый к скале второй Худишендзуар, называемый также могилой Ашахмата «Ашахмате уæлæрмет». По сказанию, это место, расположенное под скалой, было любимым местом отдыха Шаха. Здесь он обычно встречался с идущими по дороге из Залу через ворота Чрамад. Поэтому этот дзуар также имеет ещё и третье название «Амбалыкаг». Этот дзуар по своему внешнему виду представляет собою типичный для средневековой Осетии намогильный памятник. Он представляет собою небольшое возвышение, сложенное в виде каменной стенки, отмечающей место могилы. С востока к этой стенке примыкает сложенный также на известковом растворе каменный столбик утюгообразной формы, поставленный как бы торцом. Верхняя часть этого столбика имеет вставленные с боков две доски из шиферного сланца, как бы обозначающие кровлю. Отсюда подъём становится крутым. Он ведёт к двум главным зданиям священного заповедника: к Михдау дзуар и Майрæм дзуар.

[Территория заповед]ника Михдау начинается на севере, на правом берегу реки Ардон. Она примыкает к местности Залу, расположенной по линии древней транзитной дороги. Кончается заповедник на востоке у местности Урсдонте Уаллагкау Фидар.

В состав священного заповедника Михдау входит ряд святилищ: Цу-

анонте дзуар («святилище охотника» или «Амбалыкаг дзуар» – «святилище встречающихся», представляющее собою расплывчатую кучу щебня. В недалёком прошлом каждый охотник (цуанон), собиравшийся на охоту, приносил сюда камень и клал его в честь бога охоты Авсати. Возвращаясь с удачной охоты, охотник обязан был на этом месте отдать долю от убитой им всем, встретившимся ему на охоте людям. Восточнее от этого святилища стоит первый из дзуаров «Худишен» (место снятия шапки). Этот дзуар представляет собою жертвенник четырёхугольный в плане. Сложен он из рваных кусков камня сухой кладкой. В восточной стенке жертвенника имеется ниша, в которой сложены культовые предметы, необходимые при кувде, а также вотивные приношения.

В 1939 г. резать должен Дзигасов для Михдау. По фамилиям очередь, а распределение внутри фамилии – поговору.

Под скалой Михдаубын. Гар-кау – пашни Амбаловых, сеяли пшеницу. Огороженные. В Михдау на кувд ходили старшие сыновья отцов и отцы. А Михдау ... (*неразборчиво* – Д.А.) в куфтдоне под горой. Михдау часовня «святая святых», в неё никто, кроме дзуарлага Дзугаева, не входил (рис. 7).

В кувандон («моления место») с шашлыком, 3 пирогами, впереди бо-сой дзуарлаг, идут от своих цардагов (куфтдон'ов), становятся на колени, крестятся. Идут мужчины старики и просящие «куржитæ» просящий («курын» – просить). Амбалов Гагуц резал

Рис. 7. Святилище Мигъдауы дзуар. Деревянное обрамление входного проёма с арочным верхом (вид изнутри). Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г. Фото Е.Г. Пчелиной. СПбФ АРАН. Ф. 1017.

Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

быка в 1937 г. В 1938 г. будет резать... Сел. Урсдон. Уастрджи кувандон на дороге от селения к Михдау. Каменный столб.

Дзигасовы сидят в цардаге внутри Михдау, а Амбаловы (где быка режут). Куфтдон при Михдау раньше носил название Дзугае куфтдон. Чтобы войти в Михдау, нельзя есть 3 дня и надо выкупаться в молоке, чтобы быть чистым, как рыба. Запреты Михдау. Майрем и Михдау для всех фамилий одинаково. Во время Михдау празднуют все, кто только хочет праздновать, и сидят по старшинству, без [разделения] фамилий. В Цамаде было 3 машиг: Кайтов, Габаимашиг и общий.

В бытность мою в Урсдонском ущелье в 1939 году (1938 г. исправлен на 1939 г. – Д. А.) годовой кувд был совершён _____, но вместо 100 быков дореволюционного времени режется один

бык. Праздник Михдау празднуется в понедельник через три недели после праздника Фыд Иоане (Иоанна Крестителя) (отца Иоана).

Майрем Михдау принадлежал Дзугаевым и там же для женщин цардаг. Кувд Михдау был неделю с воскресенья до воскресенья Вечером I воскресенья резали быков (9), посвящённых Михдау, где не участвовали женщины. II воскресение – Ична, были и женщины. На Ичне женщины ... (неразборчиво – Д.А.) в Майреме. Резали быка мордой к востоку. На восходе солнца бык лёжа. Очередность быка? На Михдау теперь, кроме Амбаловых и Дзигасовых, не режут и не ходят. Остальные ходят только на Майрем Ична, причём носят только фнжончитæ (шашлык из рёбер).

Внутри Михдау куфтдоне во дворике сидели Дзугаевы и Дзигасовы. Внутри ... (неразборчиво – Д.А.) распреде-

лены по фамилиям: Амбаловы, Челохсаевы, Дзугаевы. Все сёла, как приходили, садились на *kadza* по старшинству (все село), а Урсдон только по фамилиям. 4 фамилии: Айляровы, Дзугаевы, Дзигасовы} 3 брата, все во дворе, а Амбаловы и Челохсаевы [*отдельно?* Д.А.]. Для Урсдона было 3 куфтдона.

Заяц и Михдау. Таркуш, заяц, лежал под сухим деревом с восточной стороны.

СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 148.

Л. 103, 110, 123-136, 138-140, 154.

Камни складывают в Урсдонском ущелье около святилища Михдау, место Дурджинта. Охотник погиб, в честь его кладут камни.

Клапротом сообщается казнь за нарушение гостеприимства.¹⁴ Сбрасывание со скалы со связанными руками и ногами в реку (как в Михдау).

Святилище Михдау дзуар напоминает древнегрузинскую часовенку с земляным полом и стенами, сложенными из дикого камня на известковом растворе. В часовне лежал полусгнивший древний деревянный столб, поддерживавший ранее кровлю. Столб имеет в разрезе крестообразную форму, а капитель – рогообразную, тождественную капителям надочажных столбов в древнеосетинских ходзарах. На стене часовни, на обломке оленьего рога, воткнутого в стену святилища, висит древний бронзовый колокол. К святилищу примыкают два дворика. В восточном дворике имеется несколько древних засохших священных деревьев, посаженных здесь, по преданию, во время постройки святилища.

В недавнем прошлом в священном заповеднике Мигдау около дзуа-

ров Мигдау и Майраем происходили религиозные обряды, носящие в себе черты глубочайшей древности, не сохранившиеся в других местах. Таково, например, «посвящение в половую зрелость», отражающее матриархальный родовой быт, перекрытый элементами христианства.

Заповедник Мигдау является родовым святилищем. Он принадлежит колену Цаехилтае в целом, причём преимущественное право на него, выражающееся в ритуале кувда, выборе дзуарлагов – годовых жрецов святилища – принадлежит мыгкаг Дзугатæ. Дзуарлаги этого святилища, выбранные из старейших стариков этого мыгкаг, и остальные старики и мужчины средних лет этого родового объединения, совершали кувд в своём родовом цардаге, примыкающем к помещению часовни Мигдау. Вход в этот цардаг мужчинам других мыгкаг колена Цаехилтае был ограничен. Войти в этот цардаг могли только старейшие из других мыгкаг этого колена. Все же остальные права входа сюда не имели, хотя посещение этого кувда со входом в зону священного заповедника предоставлено не только жителям заповедника и не только жителям Урсдонского ущелья, но также и всем желающим извне.

В предании о возникновении святилищ Михдау и Майрем в Урсдонском ущелье рассказывается, что однажды на скалу, где теперь стоит святилище Михдау, прилетел «Рухс-зæд» Светлый дух и стал на его вершине, облитый яркими лучами солнца. Сах пошёл на него со всей своей дружиной, но Рухс-зæд окутался густым туманом и исчез вместе с ним, поднявшись ввысь. Ког-

да же туман исчез, то на другой скале, выше, стоял уже другой дух.¹⁵ «Мужчина то был или женщина, но то был Майраэм».^a Святылище Рухс-зæду построил Сах и назвал его Михдау. У жены его долго не было детей, и она часто ходила к утёсу Майрем и там плясала, молясь ему. У неё родился сын, которого она назвала Иччина^b и построила Майрему святылище, которое празднуется в день Иччина.

Обряд посвящения в половую зрелость^c

В начале осени, в день Иччина, в священном заповеднике Майрем собирались все жители Урсдонского ущелья. Мужчины оставались в пределах святылища Михдау, а девушки и юноши, происходящие из колена Цъæхилтæ, достигшие половой зрелости, в сопровождении женщин, вышедших замуж за мужчин из колена Цъæхилтæ, поднимались выше, к святылищу Майраэм. Все должны были быть одеты в белое и идти босиком. На девушках и юношах были одеты белые длинные рубахи без пояса. У девушек головы были прикрыты белыми шёлковыми платками, юноши же шли без шапок. Во главе шествия шли две самые старые женщины, которые исполняли обязанности «дзуары уш» – жриц. Головы их также были повязаны белыми платками. Внутри святылища входила группа посвящаемых и две старухи. Девушки и юноши опускались на колени и осе-

няли себя крестом. Старшая из старух брала в руки деревянную братину, наполненную свежим пивом, три молитвенных хлеба и зажжённую свечу. Вторая старуха снимала с девушек их белые платки и обвешивала ими ветви священного дерева, растущего в святылище. После этого старшая из старух начинала читать посвятельную молитву над чашей и хлебами, поручая девушек и юношей Майрем и прося для них многочисленного и счастливого потомства, в котором было бы больше мальчиков, чем девочек. После этого она разламывала хлеба, давала всем по кусочку и подносила братину с пивом, чтобы каждый хлебнул бы по глотку, совершая таким образом подобие христианской обедни. После этого около святылища начинался ритуальный танец, который исполняли только старухи, становясь по двое против двух. Две из них изображали мужчин и имели у пояса привязанные фаллы. Хор присутствующих женщин пел песню «Далладжикагæккуыри, Уалладжика хæфс суры» – «Внизу ящерица, вверху лягушка гоняет». Нецензурные слова песни соответствовали телодвижениям этого танца. Эти песня и танец в литературе неизвестны.^d После окончания этого танца начинался ритуальный пир, для которого закалывали быка и баранов, достигших половой зрелости.

Примечания Е.Г. Пчелиной:

а) Майрем – языческое божество, впоследствии перекрытое именем Девы Марии. Вопрос об осетинском Майрем в осетиноведении не только не изучен, но и не поставлен ещё. См.: Пчелина Е.Г. Родильные обряды у осетин // Советская этнография. 1937. №4. С. 97-99.

б) Иччина, как и Майрем, пока ещё малоисследованные божества. У Иччина имеется эпитет «Иччина кæсу арын бире лябпу» – «Иччина, который имел много мальчиков». Время празднования Иччина относится к осени и связано, с одной стороны, со спуском скота с летних пастбищ в предгорную степь на зимовку, и, с другой стороны, со змеями. У осетин имеется поговорка: «Иччиной калмау баззайды» – «Остался (одиноким), как змея Иччина». Имеется также и проклятие: «Иччиной калмау уаеллачы баззай» – «Останься наверху (в горах), как змея Иччина». Понятие об Иччина сливается в какой-то мере с также трудно понимаемым и широко известным в среде осетин божеством Хуцауы-дзуар – «Божий святой». Оно почитается и мужчинами и женщинами и считается покровителем браков и подателем чадородия. Майрем – Иччина – Хуцауыдзуар, видимо, составляют единое божество – покровителя деторождения.

с) Этот древний обряд, свойственный в различных формах родовому строю, признавал право юношей и девушек на вступление в брак. Сохранившийся в горах Северной Осетии в пережитках, по словам старух осетинок, лет 40-50 [назад] бытовал ещё во всей своей полноте. В этнографической литературе неизвестен.

д) Я увидела этот танец впервые в 1938 г., исполненный старухами селения Дагом по моей просьбе. Фигуры танца были мною зафотографированы (рис. 8, а-е; рис. 9, а, б), а текст песен записан.

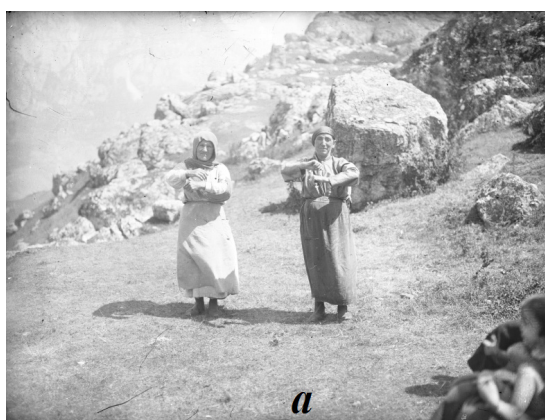

Рис. 8, а-е. Женский танец. Урсдонское ущелье, селение Дагом. Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г.
Фото Е.Г. Пчелиной. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 89. Л. 1-5.

Рис. 9, а, в. Женский танец. Урсдонское ущелье, селение Дагом. Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г.
Фото Е.Г. Пчелиной. Национальный музей РСО-А, а – КМСО 2716, в – КМСО 2717.

К сожалению, за отсутствием фонографа мелодия этой песни записана не была. В 1939 году я зафиксировала путём расспросов старух бытование этого обычая и у колена Сидамонта, где этот танец мне показали старухи из сел. Архон. Насколько мне известно, этот обычай в настоящее время помнят, кроме Урсдона и Архона, только в Дигории, где он был зарегистрирован мною в 1946 г. в Фараскате.

СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 162. Л. 9, 58, 84, 100, 131, 132, 148, 150.

Кувд на Михдау был неделю с воскресенья до воскресенья вечера. I воскресенье резали быков, пировали по цардагам, женщины не участвовали. II воскресенье Ична мужчины и женщины с детьми в Майреме.

Дагомы Саниба. Доказательство, что Михдау это Саниба. И. Болгарский 1780 г. Дагом, развалины церкви Святой Троицы. Дагом, Троицкая церковь. 1885 г. [См.:] Терский календарь на 1909 год. Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1909. Вып. 18. С. 193. Ична через месяц после Фыд Иоанне, в воскресенье. Почитали Михдау Кусагонте, а остальные заодно с ними. Ична связана с празднованием Татартупа, который будет через неделю после нея. Майрем Михдау дзуар празднуется вместе с Ична.

Михдау имел жреца из фамилии Дзугаевых, старший в фамилии. По смерти его шёл старший по годам из фамилии Дзугаевых.

Михдау. Дзуарлагами-жрецами бывают здесь три самых древних старика из всего Урсдонского ущелья из рода Цахилте, безотносительно от их фамилии.

В Михдау и в Заронд Уастрджи в Дагоме дзуарлаги по очереди, от каждого селения 1, всего 3 человека – из различных фамилий старики. Выбирали за год вперёд, давали бокал и ляжку барана, посылали на дом – очередность по дворам, как в Нафидзуаре.

Очередность дзуарлагов в Михдау (на быка очередность): старик Ельмурза, Ханчери, Гагуц, Шабаж. Чья очередность быка, тот исполняет обязанности дзуарлага (?). С фижонегом идут в Михдау 3 старика по возрасту: Ельмурза, Ханчери, Шабаж.¹⁶ Михдау. Дзугатæ, а за их неимением Амбалтæ из одного арвадæлтæ. Пчелина. Мих – туман, дауг – дух. Дух тумана, т.е. божество погоды. Хулисан – место, откуда идущий впервые видит святилище или селение – куда идёт. Пчелина. Чашечные камни неизвестные в литературе. Обнаружен в 1929 г. в святилище Михдау. Камень с углублениями для пяти пальцев, для испытания силы пальцев, поднимавших этот камень.¹⁷

СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 165.
Л. 18, 52-57, 66-69, 74, 76, 85, 88.

Летающий дух в виде огненного облака – Михдау.¹⁸ Мих в понимании не тумана, а облака. Летающий Мих дау. Два летающий зеда: Чёрный и Белый. Легенда о построении Михдау дзуара. Однажды на скалу, где теперь стоит святилище Михдау, прилетел Светлый зед и стал на его вершине. Шах, увидев его, пошёл на него со всем своим войском. Но Светлый зед окутался туманом и исчез вместе с ним. Когда туман растаял, то на другом утёсе, несколько выше, стоял чёрный зед,¹⁹ и то был Майрем.

СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 789.
Л. 25-27.

Примечания:

1. Д.В. Белецкий склонен видеть в этом своеобразном украшении элемент христианского культа [15, 42-44].
2. Возможно, упоминание лягушки связано с фигурой приседания в осетин-

ском танце. В славянской народной традиции засидевшаяся девушка, чтобы выйти замуж, ловила лягушку и, приседая, совершала некие действия магического характера [30, 382].

3. Бокиев Харитон Иванович (1914-1942) – уроженец селения Старый Батакоюрт, директор созданного в 1938 г. Северо-Осетинского антирелигиозного музея. С началом Великой Отечественной войны был призван в ряды Красной Армии. Воевал на Южном фронте в должности военного комиссара стрелкового батальона. Старший политрук Х.И. Бокиев погиб в бою летом 1942 г.

4. Блюме Павел Михайлович (1885-?) – известный в Северной Осетии художник-пейзажист. Сын коллежского советника, П.М. Блюме в молодости участвовал в революционном движении, за что в 1907 г. подвергся аресту и тюремному заключению. В первые годы Советской власти активно сотрудничал с газетой «Коммунист». В 1926 г. стал одним из основателей «Владикавказской ассоциации художников».

5. В другом месте отчёта Пчелина вновь упоминает данного участника, но с иным инициалом отчества: А.Т. Ревазов [2, 22]. Баракова также называет его в числе участников экспедиции: «...студент Ревазов (имени не помню)» [13, 1]. Иных сведений обнаружить не удалось.

6. Амбалов Ханджери Бимболатович (1885-1974) – старожил селения Урсдон Алагирского района. В экспедиции 1938 г. Ханджери Амбалов был не только рабочим-землекопом, но и ценным информатором. В более поздней монографии «Местность Уаллагир...» Пчелина неоднократно ссылается на полученные от него в 1938 г. сведения [10, 7, 11, 18]. После Эльмурзы Амбалова функции дзуарлага (жреца) в святилище *Мигъдау дзуар* выполнял Ханджери Амбалов.

7. В тексте имя данного участника встречается дважды и оба раза с нечётким исправлением третьей буквы, из-за чего нет ясности, о каком имени речь: Гапбола, Габола или Гаппола. Так же, как и Ханджери Амбалов, он не только выполнял наиболее трудоёмкую часть раскопочных работ, но и был важным информатором. В неизданной монографии «Местность Уаллагир...» Пчелина ссылается на полученные от него сведения генеалогического характера, причём его имя и здесь содержит точно такое же неясное исправление [10, 52].

8. Пчелина не называет ещё двух участников: Елену Евстафьевну Баракову и её 17-летнего сына Амзора Баракова. Между тем роль Е.Е. Бараковой в работе экспедиции 1938 г., в частности, по сбору этнографического и фольклорного материала, трудно переоценить. Ко времени написания отчёта (март 1939 г.) Баракова была арестована по сфабрикованному обвинению в антисоветской деятельности, поэтому любое упоминание о ней в тексте отчёта могло иметь для Пчелиной самые негативные последствия.

9. Осигагатар – осет. *Ос-Багъатыр*, *Ос-Багъатар*, легендарный первопредок всех осетин-алагирцев. Его многочисленное потомство делилось на шесть колен (родов), каждое из которых занимало в Алагирском ущелье определенную территорию.

10. В грузинских летописях Багатар упоминается в сер. V в., в кон. IX и во втор. пол. XIII – нач. XIV вв. [32, 36], однако в них отсутствуют сведения об осском Багатаре, относящиеся к XV в.

11. О связи генеалогических преданий осетин-алагирцев с Багатаром грузинских летописей см.: [32, 35-60].

12. Через год после экспедиции Х.И. Бокиев опубликовал в газете «Социалистическая Осетия» заметку о результатах работы Северо-Осетинского антирелигиозного музея. Среди экспонатов музея, добытых научно-археологическими экспедициями, он называет «столб деревянный и медный котёл из древних осетинских святилищ» [33, 3]. Полагаем, речь идёт именно о столбе из святилища *Мигъдау*.

13. Крайне сомнительное утверждение. Все источники свидетельствуют о том, что жреческие функции в *Мигъдауы Мады Майрамы дзуар* выполняла пожилая женщина – *дзуары ус*. В ритуальных действиях у этого женского святилища мужчины участия не принимали.

14. “So arge Räuber die Osseten auch sind, so halten sie doch, wie alle Kaukasier, sehr strenge auf die Gesetze der Gastfreundschaft (Kunagh), und man hat fast nie ein Beispiel, dass sie dieselbe verletzten, oder ihren Gastfreund beleidigten oder beraubten. Kommt ein solcher Fall vor, so versammelt sich das ganze Dorf und hält über den Verbrecher Gericht, dessen Ausspruch dann gewöhnlich dahin ausfällt, dass er mit gebundenen Händen und Füßen von einem Felsen in den Fluss hinabgestürzt wird” [34, 592] / «Какими бы злыми разбойниками ни были осетины, они, как и все кавказцы, всё же очень строго соблюдают законы гостеприимства (куначества), и почти никогда не бывает примера, чтобы они их нарушили, оскорбили или ограбили своего друга-гостя. Если подобный случай происходит, собирается всё селение и вершит суд над преступником, приговор которому обычно состоит в том, что его со связанными руками и ногами сбрасывают со скалы в реку». Заметка Пчелиной о подобного рода наказании, совершавшемся и в священном заповеднике *Мигъдау*, другими источниками не подтверждается.

15. Ср. приводимую В. Ф. Миллером легенду об *Идауаг’е* в Дигории: «Он некогда прилетел в виде огненного облака прежде в Ханаз, отсюда полетел в субботу в Думты и там оставался около часу, а затем полетел в Стур-Дигор и опустился в леску против аула. Но и отсюда он поднялся и сел немного выше, где и было освящено место в честь его» [35, 261].

16. Лист с этой записью включён в архивное дело, датированное 1965 г. Однако в 1965 г. Эльмурзы Амбалова уже давно не было в живых, поэтому запись, вероятнее всего, относится к 1938 г.

17. В настоящее время местонахождение этого предмета неизвестно. В монографии «Местность Уаллагир...» Пчелина пишет о похожих по описанию votивных приношениях, обнаруженных ею в том же «заповеднике Михдау», но уже в святилище *Худисаен-1*: «два чашеобразных камня с пятью углублениями в каждом» [10, 29]. Предметы эти были изъяты Пчелиной и переданы в Севе-

ро-Осетинский антирелигиозный музей. Обнаруженные на Кавказе, в том числе и в Осетии, чашечные камни связывают с древним культом, восходящим к эпохе бронзы [36, 105], поэтому сакральное значение аналогичного камня в святилище *Мигъдау* не вызывает сомнений. В качестве близкого примера можно указать чашечный камень с пятью углублениями из ингушского святилища Мецхали [37, 8]. Считается, что он использовался «для испытания юношей на зрелость» [38, 309], т.е. был атрибутом неких инициационных обрядов, вероятно, проводившихся в этом святилище.

18. Вновь совпадение, местами дословное («огненное облако», «сел немного выше»), с легендой об *Идауагъ*’е, изложенной Миллером [35, 261].

19. В отчёте экспедиции 1938 г. вместо *зад* «небожитель» – *лаг* «человек, мужчина» [2, 22 об.].

---

1. Рукописный отдел Научного архива института истории материальной культуры (РО ИИМК). Ф. 35. Оп. 1938. Д. 252.

2. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 1017. Оп. 1. Д. 573.

3. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 148.

4. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 162.

5. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 165.

6. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 789.

7. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 3.

8. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 89.

9. НА СОИГСИ. Ф. 19 (Алб.). Оп. 1. Д. 109.

10. *Пчелина Е.Г.* Местность Уаллагир и шесть колен рода Осибататара // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 21.

11. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 729.

12. *Кузнецов В.А.* Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1991. 200 с.

13. *Толстой В.С.* Сказание о Северной Осетии. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1997. 126 с.

14. *Баракова Е.Е.* Этнографические записки // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 64.

15. *Белецкий Д.В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. 2011. №7. С. 26-70.

16. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 15. Д. 23-1.

17. *Вирсаладзе Е.Б.* Грузинский охотничий миф и поэзия. М.: Наука, 1976. 359 с.

18. К обители предков. Легенды Верхнего Хода. Часть 2. 11.06.2017 // Алина Туаева [ютуб-канал]. URL: <https://youtu.be/dxPd793EDrY?list=LL> (На осет. яз.)

19. *Едзиев А.* Легенды Верхнего Хода. М.: СЕМ, 2016. 120 с. (На осет. яз.).

20. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 91. Д. 116.
21. НА СОИГСИ. Ф. 19 (Алб.). Оп. 1. Д. 126.
22. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 161.
23. Баев Г. Сказание об Одинокое (Иунаджы кадаг). Очерк из жизни осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. 2-е изд., доп. и перераб. Владикавказ: Проект-Пресс, 2017. Т. 3. С. 688-694.
24. Салагаева З.М. От Нузальской надписи к роману: Проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1984. 312 с.
25. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1928. Вып. 3. 132 с. (На осет. яз.).
26. Дарчиева М.В. Военный поход (балц хætæн, стæры цуан / цæуæн) как сюжетобразующий элемент в осетинском нартовском эпосе // Эпос единения и дружбы. Мат. междунар. науч. конф. «Сказания о нартах – эпос единения и дружбы» (Нальчик, 21-24 ноября 2012 г.). Нальчик: КБИГИ, 2013. Ч. 1. С. 70-77.
27. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX вв.). М.: Наука, 1983. 262 с.
28. Уарзиати В.С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987. 160 с.
29. Алборов Б.А. Из истории осетинского театра // НА СОИГСИ. Ф. 19 (Алб.). Оп. 1. Д. 92.
30. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 908 с.
31. Миллер В.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. 2. С. 619-1176.
32. Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе: Ир, 1989. 177 с.
33. Бокиев Х.И. Северо-Осетинский антирелигиозный музей // Социалистическая Осетия. 1939. № 198. С. 3.
34. Klaproth, H.J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle; Berlin: Weisenhaus, 1814. Bd. 2. 626 S.
35. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М.: Типография А. Иванова (б. Миллера), 1882. Ч. 2. 301 с.
36. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X-XII вв. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1993. 464 с.
37. Семёнов Л.П. «Нартские памятники» в фольклоре ингушей и осетин. Владикавказ, 1930. 20 с.
38. Ингуши. М.: Наука, 2013. 512 с.

Darchiev, Anzor V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); dar-anzor@mail.ru

THE CULT COMPLEX MĪĠDÆW IN THE MATERIALS OF THE ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC EXPEDITION OF E.G. PCHELINA IN 1938.

Keywords: E.G. Pchelina, Ursdon gorge, Mġdæw, sanctuary of hunters, cult of hunters and warriors, hunting myth, rite of passage, Dzugævs, Ambalovs.

The proposed publication contains materials of the archaeological and ethnographic expedition that Evgenia Georgievna Pchelina undertook in 1938 to study the Mġdæw religious complex located in the Ursdon Gorge of North Ossetia. The materials have never been published before, so it is urgent for them to be introduced into the scientific community. Having defined the still existing buildings of the main sanctuaries of the complex Mġdæw dzuar and Mġdæw Mady Mairæmy dzuar as small Christian temples, Pchelina started with archaeological excavations, hoping to discover traces of ancient pre-Christian sanctuaries. Due to local opposition, the excavations had to be discontinued and were fruitless. The items discovered during the excavations are recorded in an inventory and represent a set of sacrificial offerings typical of Ossetian sanctuaries. The collection of ethnographic and folklore materials was more successful. Pchelina's field notes clarify the already cited information about the rites of twinning and reconciliation of nemeses at Mġdæw dzuar. Pchelina recorded for the first time the legend about the origin of the sanctuary of Mġdæw dzuar. A brief but very valuable account of the origin of the sanctuary of Æmbælæggajy kuvændon (Tsuantonny kuvændon) reveals its connection with the hunting cult and mythology. Pchelina states that in the women's sanctuary, Mġdæw Mady Mairæmy dzuar, a highly unusual rite of "initiation into puberty", not known to other sources, was performed up until late 19th century. The ritual was conducted with equal participation of boys and girls, which allows us to make a new assessment of the degree of gender differentiation in the sacral sphere of traditional Ossetian society. The visual materials were extracted from the scientific archives of Vladikavkaz and St. Petersburg. Photographs of a women's dance recorded in the Dagom village of the Ursdon Gorge are identical to the ritual dance performed during a festival at the sanctuary of Mġdæw Mady Mairæmy dzuar and deserve special attention. The presented materials should contribute to a deeper study of traditional religious and mythological beliefs of the Ossetians.

For citation: Darchiev, A.V. The cult complex Mġdæw in the materials of the archaeological and ethnographic expedition of E.G. Pchelina in 1938 // Izvestiya SOIGSI. 2023. Iss. 50 (89). Pp. 129-166. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.009

References

1. Rukopisnyj otdel Nauchnogo arhiva instituta istorii material'noj kul'tury (RO IIMK). F. 35. Op. 1938. D. 252.
2. Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk (SPbF ARAN) [The Archives of the Russian Academy of Sciences St. Petersburg Branch (ARAS SPbB)]. Fund 1017. Inventory 1. Case 573.
3. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 1. Case 148.
4. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 1. Case 162.
5. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 1. Case 165.
6. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 1. Case 789.
7. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 2. Case 3.

8. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 2. Case 89.
9. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovanii (NA SOIGSI)* [Scientific Archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund 19 (Alb.). Inventory 1. Case 109.
10. Pchelina, E.G. *Mestnost' Uallagir i shest' kolen roda Osibagatara* [The Wallagir area and the six branches of Osibagatar's tribe]. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 6. Inventory 1. Case 21.
11. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 1. Case 729.
12. Kuznecov, V.A. *Rekom, Nuzal i Carazonta* [Recom, Nuzal and Tsarazonta]. Vladikavkaz, 1991. 200 p.
13. Tolstoy, V.S. *Skazanie o Severnoi Osetii* [The Legend of North Ossetia]. Vladikavkaz, V.A. Gassiev Publishing house, 1997. 126 p.
14. Barakova, E.E. *Etnograficheskie zapiski* [Ethnographic notes]. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 4. Inventory 1. Case 64.
15. Beletskii, D.V. *Materialy k izucheniyu pozdnesrednevekovogo zodchestva Severnogo Kavkaza* [Materials for the study of Late Medieval architecture of the North Caucasus]. Istoriko-filologicheskii arkhiv [Historical and Philological Archive]. 2011, no. 7, pp. 26-70.
16. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund Folklore. Inventory 1. Folder 15. Case 23-1.
17. Virsaladze, E.B. *Gruzinskij ohotnichij mif i poezija* [Georgian hunting myth and poetry]. Moscow, Nauka, 1976. 359 s.
18. K obiteli predkov. Legendy Verhnego Hoda. Chast' 2 [To the abode of the ancestors. Legends of Upper Hod. Part 2. 11.06.2017]. Alina Tuaeua [YouTube channel]. URL: <https://youtu.be/dxPd793EDrY?list=LL> (In Ossetian)
19. Edziev, A. *Legendy Verhnego Hoda* [Legends of Upper Hod]. Moscow, SEM, 2016. 120 p. (In Ossetian).
20. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund Folklore. Inventory 1. Folder 91. Case 116.
21. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 19 (Alb.). Inventory 1. Case 126.
22. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 1. Case 161.
23. Baev, G. *Skazanie ob Odinokom (Iunadzhy kadag). Ocherk iz zhizni osetin* [The Legend of the Solitary (Iunadzhy kadag). An essay from the life of Ossetians]. *Periodicheskaja pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinah. 2-e izd., dop. i pererab.* [The periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians. 2nd ed., additional and revised.]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2017, vol. 2, p. 688-694.
24. Salagaeva, Z.M. *Ot Nuzal'skoj nadpisi k romanu: Problemy genezisa i stanovlenija osetinskoj prozy* [From the Nuzal inscription to the Novel: Problems of the genesis and Formation of Ossetian prose]. Ordzhonikidze, Ir, 1984. 312 p.
25. *Pamjatniki narodnogo tvorchestva osetin* [Monuments of Ossetian folk art]. Vladikavkaz, 1928, vol. 3. 132 p. (In Ossetian).
26. Darchieva, M.V. *Voennyj pohod (balc haetaen, staer cuan / caeuaen) kak sjuzhetoobrazujushhij jelement v osetinskom artovskom jepose* [Military campaign (balts hætæn, stæry tsuan / tsæuæn) as a plot-forming element in the Ossetian Nart epic]. *Jepos edinenija i družby. Mat. mezhdunar. nauch. konf. «Skazaniya o nartah – jepos*

edinenija i družby» (Nalčik, 21-24 nojabrja 2012 g.) [The epic of unity and friendship. Materials of the international scientific conference “Tales of Narts – the epic of unity and friendship” (Nalchik, November 21-24, 2012)]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies, 2013, pt. 1, p. 70-77.

27. Smirnova, Ja.S. *Sem'ja i semejnyj byt narodov Severnogo Kavkaza (vtoraja polovina XIX-XX vv.)* [Family and family life of the peoples of the North Caucasus (the second half of the XIX-XX centuries)]. Moscow, Nauka, 1983. 262 p.

28. Uarziati, V.S. *Narodnye igry i razvlechenija osetin* [Folk games and entertainment of Ossetians]. Ordzhonikidze, Ir, 1987. 160 p.

29. Alborov, B.A. *Iz istorii osetinskogo teatra* [From the history of the Ossetian theater]. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 19 (Alb.). Inventory 1. Case 92.

30. Gura, A.V. *Simvolika zhivotnyh v slavjanskoj narodnoj tradicii* [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik, 1997. 908 p.

31. Miller, V.F. *Osetinsko-russko-nemeckij slovar'* [Ossetian-Russian-German dictionary]. Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1929, vol. 2, pp. 619-1176.

32. Gutnov, F.H. *Genealogicheskie predanija osetin kak istoricheskij istochnik* [Genealogical traditions of Ossetians as a historical source]. Ordzhonikidze, Ir, 1989. 177 p.

33. Bokiev, H.I. *Severo-Osetinskij antireligioznyj muzej* [North Ossetian Anti-Religious Museum]. *Socialisticheskaja Osetija* [Socialist Ossetia]. 1939, iss. 198, p. 3.

34. Klaproth, H.J. *Reise in den Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jahren 1807 und 1808*. Halle; Berlin: Weisenhaus, 1814. Bd. 2. 626 S.

35. Miller, V.F. *Osetinskie jetjudy* [Ossetian studies]. Moscow, Printing house of A. Ivanov, 1882, vol. 2. 301 p.

36. Kuznecov, V.A. *Nizhnij Arkhyz v X-XII vv. K istorii srednevekovyh gorodov Severnogo Kavkaza* [Nizhny Arkhyz in the X-XII centuries. On the history of medieval cities of the North Caucasus]. Stavropol, Caucasian Library, 1993. 464 p.

37. Semjonov, L.P. *«Nartskie pamjatniki» v fol'klore ingushej i osetin* [“Nart monuments” in the folklore of the Ingush and Ossetians]. Vladikavkaz, 1930. 20 p.

38. *Ingushi* [Ingush]. Moscow, Nauka, 2013. 512 p.